SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Платон Николаевич Краснов
  -
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III
  - ГЛАВА IV
  - ГЛАВА V
  - ГЛАВА VI
  - ГЛАВА VII
  - ГЛАВА VIII
  - ГЛАВА IX
  - ГЛАВА X
  - ГЛАВА XI
  - ГЛАВА XII
  - ИСТОЧНИКИ
  - ПОРТРЕТЫ СЕНЕКИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Платон Николаевич Краснов
Луций Анней Сенека. Его жизнь и философская деятельность

Биографический очерк Пл. Краснова

С изображением Сенеки, гравированным в Петербурге К. Адтом

ГЛАВА I

Родина Сенеки. – Его отец, мать, тетка. – Братья Сенеки: Галлион и Мела. – Племянники: Новатилла и поэт Лукан. – Общая даровитость семьи

Всемирное распространение римской цивилизации при первых императорах принесло и самому Риму ту выгоду, что привлекло в него свежие силы со всех концов мира. Сначала в Риме, еще во времена республики, появились греки; затем, в первые годы империи – испанцы; потом – галлы, британцы и, наконец, германцы, сломившие уже сам Рим. Но ни один народ не внес столько сил в римскую культуру, не дал Риму столько ученых, поэтов, государственных деятелей и даже императоров, и притом с чисто римским характером, как испанцы. Испанцем по происхождению был и знаменитейший римский философ Сенека.

Луций Анней Сенека родился в Кордове между 6 и 3 годом до Рождества Христова. В то время Кордова, или, как ее звали римляне, *Кордуба,* была цветущим торговым городом. Завоеванная и укрепленная карфагенянами, она была свидетельницей пунических войн, и уже с 206 года до Р.Х. перешла во власть римлян. Первые два столетия до Р.Х. Кордова была ареной постоянных войн. В гражданскую войну Цезаря и Помпея она дважды подверглась опустошению; но со вступлением на престол Октавиана Августа и с распространением мира Кордова скоро окрепла и сделалась вместе с Кадиксом центром вывозной испанской торговли; а несколько позднее, в качестве главного города провинции Бетика, получила право чеканить свою монету. Своего торгового значения она не потеряла и до последних дней. Но торговые занятия жителей Кордовы не мешали им постоянно поддерживать в себе отвлеченные интересы к философии. В средние века, во время господства арабов, Кордова стала центром мусульманской образованности, в ней жил величайший из философов той эпохи – Аверроэс. Интерес и уважение к образованности в Кордове не угасли и до наших дней. Так, еще в прошлом веке в Кордове показывали как достопримечательность города дом, в котором родился Сенека, *la casa de Seneca,*[1] *а* в окрестностях города – дачу, в которой протекло раннее детство философа, *el Lugar de Seneca.*[2]

Отец Сенеки принадлежал к среднему (дворянскому) сословию римских всадников. Неизвестно, был ли римским всадником дед философа; несомненно, однако, что выше родословная их не поднималась. Таким образом, фамилия Аннеев

была сравнительно молодая; Сенека был, что называется, homo novus,[3] – обстоятельство, дававшее ему возможность отлично уживаться в императорском Риме в то время, когда представителям древних римских фамилий приходилось или вступать в компромиссы с совестью, или сходить со сцены.

Отец Сенеки, Марк Анней Сенека, известный в истории литературы под именем *Сенека-ритор,* был человек недюжинного ума, высокой образованности и редкой энергии. В половине царствования Августа он покинул свой родной город и переселился в Рим. Его жена, Гельвия, последовала за ним. В то время будущий философ был так мал, что его вынесла на руках из Кордовы его тетка, сестра матери, женщина в высшей степени замечательная. В Риме Марк Анней Сенека скоро нашел себе выгодное занятие. При первых императорах римское ораторское искусство стало клониться к упадку и с политической трибуны перешло на школьную кафедру.

Сенека-ритор стал преподавать ораторское искусство и вскоре составил себе этим имя, положение и состояние. Он первым поставил преподавание риторики на должную высоту и смело заявил, что не находит постыдным учить тому, чему так почетно *учиться.* Несмотря на природную суровость характера, Сенека не был педантом и в своих книгах сохранил ясный и трезвый взгляд на истинное значение и достоинство оратора. В дошедших до нас его сочинениях он ядовито смеется над манерой современных ему риторов насыщать свои речи цитатами и риторическими оборотами из классических речей в такой мере, что они теряли настоящий смысл. После Сенеки-ритора осталось сделанное им собрание речей современных ему школьных ораторов – на классические темы или по измышленным юридическим и нравственным вопросам; каждая из этих речей сопровождается замечаниями самого Сенеки.

Мать Луция Аннея, Гельвия, происходила из знатного рода. Имя Гельвиев часто встречается в самых старинных надписях. Из этой же фамилии происходила мать Цицерона.

Гельвия выросла и была воспитана в доме своей мачехи. Однако отец ее позаботился дать ей прекрасное образование, и она много занималась искусствами. Сенека описывает свою мать как женщину редкой для того времени чистоты и с восторгом отзывается о ее материнских чувствах. “Тебе не придется, – писал он Гельвии, – извиняться за женскую слабость, ибо ты лишена женских недостатков. Бесстыдство, ставшее столь общим явлением века, не коснулось тебя. Ни самоцветные камни, ни жемчуг не могли тебя прельстить. Ты не считала богатства за высшее благо людей. Воспитанная в старинном и строгом доме,

ты не поддавалась дурному примеру. Никогда не стыдилась ты быть матерью, хотя этим изобличался твой возраст. Никогда не делала ты, по примеру других женщин, заботящихся о своей наружности, искусственных выкидышей. Никогда не прибегала к белилам, румянам и другим притираньям и не носила таких платьев, которые скорее открывают тело, чем покрывают его. Но лучшим украшением своим почитала ты скромность… В отношении нас, детей своих, ты была нежно заботлива. Ты радовалась нашему благосостоянию более, чем пользовалась им. Ты полагала границы нашей щедрости, не зная их для своей, и, сберегая наше наследство, ты заботилась о нем, как о своем, но воздерживалась от него, как от чужого. Наши успехи в жизни вызывали в тебе только бескорыстную гордость. Ты не хотела извлекать из них выгоды".

Сестра Гельвии, та самая, которая вынесла Сенеку на руках из Кордовы, и делом, и советом помогала философу в начале его общественной деятельности. Она ухаживала за ним во время тяжелой болезни, которой он подвергся в детстве, а потом уже юношей, благодаря ее протекции, он получил место квестора. Эта тетка была замужем за Ветразием Поллионом, который в течение шестнадцати лет был претором в Египте. Несмотря на легкость египетских нравов жена его сохранила безупречную репутацию и среди блеска и роскоши южных городов вела уединенную, замкнутую жизнь. Она потеряла своего мужа трагическим образом во время морского путешествия, но ни за что не хотела расстаться с его телом и, несмотря на бурю, подвергаясь опасностям, перевезла любимый прах в Рим, где впоследствии поселилась и сама и была одной из уважаемых женщин в столице. Окруженный заботами и ласкою этих двух замечательных женщин, Сенека провел свое детство. Таким образом, уже по рождению своему он принадлежал к интеллигентной и высокодобродетельной семье, в которой высокие нравственные доблести жены сочетались с блестящим образованием и энергией мужа.

У Марка Аннея и Гельвии, кроме Сенеки, было еще два сына. Старший, Новат, впоследствии усыновленный Галлионом и принявший его имя, выдвинулся на административной деятельности и ко времени царствования Нерона занимал ответственную должность проконсула Ахаии. Мы встречаемся с ним в "Деяниях Апостолов". Он – тот самый проконсул, который отказался судить апостола Павла, сказав обвинявшим его иудеям: "Иудеи! Если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас. Но когда идет спор об учении, и об именах, и о законе вашем, то разбирайтесь сами: я не хочу

быть судьею в этом” (“Деяния Апостолов”, глава XVIII, 14 и 15). Сенека относился к Галлиону как к старшему с глубоким уважением и посвятил ему свои рассуждения “О гневе” и “О блаженной жизни”.

Младший брат, Луций Анней Мела, жил в стороне от государственных дел. Он не занимался ни политикой, ни литературой, хотя и был высоко образован и любил чтение. Зато он умножил свое состояние. Его уединенная и тихая жизнь не спасла его, однако, от алчности Нерона, и ему пришлось умереть добровольною смертью, завещав часть состояния Нерону и его любимцам, чтобы спасти остальную.

Оба брата Сенеки – и Новат, и Мела – были прекрасные семьяне и преданные сыновья. Их заботам поручал Сенека Гельвию в дни своего изгнания. “Вспомни о моих братьях, – пишет он матери. – Пока они живы, тебе нельзя пожаловаться на судьбу. Каждый из них может восхитить своею доблестью. Один с большим умом отдался административной деятельности; другой с неменьшим благоразумием отказался от нее. Ты можешь всегда опереться на высокий сан одного сына, на спокойствие другого и на преданность их обоих. Я знаю искренность чувств обоих моих братьев. Один искал почестей для того, чтобы прославить тебя; другой избрал спокойную мирную жизнь, чтобы тем свободнее пользоваться твоим обществом. Судьба позаботилась о том, чтобы ты могла найти защиту и отраду в своих сыновьях: у одного – вследствие его высокого положения, у другого – вследствие его мирного образа жизни. Они будут наперерыв ухаживать за тобой, и тоска об одном сыне восполнится преданностью двух других”.

У Сенеки не было детей, кроме умершего незадолго до его изгнания сына; но у его братьев были дети. Он упоминает о Новатилле, дочери Галлиона. В то время, к которому относится приведенная характеристика братьев Сенеки, она была девочкой лет тринадцати и пользовалась большим расположением дяди. Незадолго перед тем она потеряла свою мать, и Сенека, обращаясь к Гельвии, просит ее заняться воспитанием внучки: “Пусть воспитается она на твоих речах. Ты многое можешь ей дать, если даже послужишь ей одним примером”.

У Луция Аннея Мелы был сын, Марк Анней Лукан, – известный поэт, автор поэмы “Фарсалия”, запятнавший впоследствии свою память доносом на свою мать, который он сделал, будучи обвинен в заговоре против Нерона и напрасно надеясь спасти этим жизнь. Это был хорошенький веселый мальчик, “при виде которого не могла длиться никакая печаль”. В молодости он подавал большие надежды, обладая крупным поэтическим дарованием, но погиб безвременною смертью.

Кроме этих двух племянников, у Сенеки, вероятно, были еще и другие родственники по нисходящей линии. Одному из них должны принадлежать, по крайней мере, некоторые из приписываемых философу Сенеке трагедий.

Из этой краткой характеристики родных Сенеки мы видим, что он принадлежал к высокоодаренной семье. Почти все члены ее выделялись какими-либо талантами. Даже женщины были замечательны в интеллектуальном отношении. Но высшего своего развития духовные силы рода достигли, конечно, в самом Луции Аннее Сенеке.

ГЛАВА II

Детство и ранняя молодость Сенеки. – Его физическое воспитание. – Болезненность. – Образование. – Наставники Сенеки в философии: стоик Аттал, пифагореец Социон, киник Деметрий, эклектик Фабиан Папирий. – Первый этюд по естествознанию

До нас дошло мало сведений о детстве и юношестве Сенеки, у историков его имя встречается, начиная с того времени, когда он был уже известным философом. Ранние сочинения Сенеки до нас не дошли. Однако, зная общий характер римского воспитания и пользуясь теми намеками на эпизоды юности, которые встречаются в старческих сочинениях философа, наконец, на основании его характера, можно сделать некоторые догадки и хотя бы в общих чертах представить себе жизнь Сенеки в ранние годы.

Детство Сенеки протекло дома, и первоначальному своему воспитанию он обязан женщинам – матери и тетке. Об этом свидетельствует и глубокое уважение его к этим женщинам, и общая мягкость и утонченность его характера, и редкая в философе стоической школы любовь к женщинам. В сочинениях Сенеки женщина нигде не рассматривается как помеха отвлеченным интересам, как соблазн, который надо устранить; напротив, часто он упоминает, – в особенности по поводу своей второй жены Паулины, – как он много обязан женщинам за чистоту своих нравов и мыслей. Кроме того, Сенека был слабым, болезненным ребенком, а такие дети всегда пользовались попечением женщин. В своем “Утешении к Гельвии” Сенека упоминает о тяжелой болезни, во время которой за ним ухаживала его тетка.

Семья Сенеки была дружной. Можно предполагать, что в детстве все три брата жили вместе с родителями и теткой. Нежная дружба, связывавшая братьев, продолжалась всю их жизнь.

Подобно большинству зажиточных римлян, семейство Аннеев на лето уезжало из Рима. У самого Сенеки впоследствии было несколько вилл; неизвестно, сколько их было у его отца. Надо, однако, думать, что всего чаще Аннеи проводили лето в той загородной вилле в нескольких часах езды от Рима, о посещении которой в старости Сенека говорит в одном из своих писем:

“Куда ни обращусь я, всюду вижу признаки моей старости. Приехал я в мою загородную виллу и остался недоволен тем, что

поддержание ее дорого стоило. На мои сетования управляющий возразил, что он в этом не виноват, что он со своей стороны принимал все меры, но что вилла сама стара. А вилла эта построена на моих глазах. Чем в самом деле стал я, если рассыпаются камни одного возраста со мною? Рассердясь на управляющего, я стал искать случая придраться к чему-либо. “Очевидно, – сказал я, – за этими платанами не смотрят. Их зелень жидка, ветви изогнуты и узловаты, стволы черны и неровны. Ничего этого бы не было, если бы их окапывали и поливали, как следует”. Тут управляющий стал клясться, что он все это делал, не жалел на это никаких трудов, но что деревья стары. А между тем я сам посадил их и видел их первые листья. Взглянув на двери дома, я воскликнул: “А это что за расслабленный старик? Недаром он стоит в дверях: его пора выгнать из дому. Где ты выискал такого? И что тебе за охота таскать чужих мертвецов?” Но старик этот сказал мне: “Неужели ты не узнал меня? Ведь я Фелицио, тот самый Фелицио, которому ты дарил в детстве статуэтки богов. Я – сын твоего управляющего, Филозита, и был когда-то твоим любимцем…”.

На физическое развитие в Риме обращалось гораздо больше внимания, чем у нас. И Сенека, несмотря на кабинетность своего характера и слабое телосложение, занимался гимнастическими упражнениями. Они состояли в садовых работах, в беге, метании диска, а главное – купанье в холодной воде. Излюбленным местом для этого был у римлян Еврин – канал, огибавший Рим, с особенно холодной водой. В детстве и юности Сенека купался в нем круглый год; даже зимой, в первый день Нового года, бросался в купальнях, называвшихся “Девственными водами”, в холодную, почти ледяную воду и плавал там. Состарившись, Сенека выбирал более теплые воды для купанья: сперва Тибр, а затем и искусственные ванны с теплой водой. Сенека, как уже неоднократно упоминалось, был слаб здоровьем. По его собственным словам, он испытал почти все болезни. Вообще Сенеке рано пришлось познакомиться с врачами и лекарствами. В течение жизни ему так часто приходилось прибегать к ним, что и в философских сочинениях своих он часто пользуется сравнениями и аналогиями, заимствованными из области медицины. В старости Сенека страдал астмой; в молодости, кроме обычных детских болезней, Сенеке пришлось испытать хронический катар дыхательных путей. “Сначала, – пишет философ, – я не обращал на него особенного внимания: благодаря своей молодости мне было не особенно тяжело переносить болезнь. Но наконец мне пришлось слечь, так как катар довел меня до того, что я весь истаял и страшно ослаб. Я даже стал

подумывать о самоубийстве; но меня удержала мысль о том, как я оставлю моего отца-старика, очень меня любившего. Я принял в соображение не то, как бы прекрасно мог умереть я сам, но как бы он не горевал слишком по моей кончине".

Друзья Сенеки во время болезни развлекали его утешениями, посещениями и разговорами. Впоследствии Сенека вспоминал о них с чувством глубокой благодарности: "Ничто так не восстанавливает силы больного, как участие друзей. Ничто не устраняет в такой мере ожидания и страха смерти. Я не думал, что я весь умру, если они переживут меня. Я думал, что буду жить тогда, если не с ними, то через них. Мне казалось, что я не испущу духа своего, не передам его им. Все это поддерживало во мне желание вылечиться и терпеливо переносить все мучения". Еще более содействовала терпению Сенеки философия, бывшая для него не только предметом кабинетных занятий, но убеждением сердца, которое он сознательно и последовательно проводил в своей жизни.

Вообще отвлеченные и научные занятия поглощали большую часть жизни Сенеки. Свое первоначальное образование он получил под руководством отца, известного ритора. Вероятно, Сенека посещал также какую-нибудь школу. В его письмах, по крайней мере, есть указания на то, что ему хорошо известны недостатки римского школьного преподавания. Так, осуждая в одном из писем схоластику, душившую римскую школу не менее чем средневековую и современную, Сенека замечает: "Не ради жизни мы учимся, а ради школы". В остальных своих сочинениях Сенека выказывает необыкновенную начитанность и знание схоластических авторов, какого, конечно, он не мог приобрести впоследствии, занимаясь философией в часы досуга во время адвокатской и административной деятельности, тем более что обо всех этих школьных авторах он отзывается с большим или меньшим презрением.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что к двадцати годам своей жизни, когда он, оставив школьное образование, обратился к слушанию лекций по философии у лучших тогдашних философов, Сенека имел солидные знания в греческом языке, грамматике, пиитике, музыке, истории и математике. Это было около 19 года от Рождества Христова.

Наставниками Сенеки в философии были стоик Аттал, пифагореец Социон, эклектик Фабиан Папирий и киник Деметрий. В ту пору он изучал философию очень разносторонне. Обо всех своих наставниках Сенека отзывается с большим восторгом, лекции каждого производили на него сильное впечатление. Но особенно тесная связь возникла между Сенекой и

Атталом.

В школу Аттала Сенека приходил первым и уходил из нее последним. Мало того, даже в перерыве между занятиями, во время прогулок, Сенека постоянно обращался к своему наставнику с расспросами и вызывал его на рассуждения. Когда Сенека слушал лекции Аттала, на которых стоик обличал пороки, невежество и недостатки, юный ученик испытывал сожаление о роде людском, и ему казалось, что его учитель – существо высшее, чем другие люди. Сам Аттал называл себя царем, но он казался чем-то высшим – царем над царями. “Когда, – пишет Сенека, – он проповедовал бедность и доказывал, в какой мере лишняя и ненужная тягость все, что превышает первые потребности, мне хотелось уйти из школы нищим. Когда он обличал наши страсти и проповедовал целомудрие, трезвость, чистоту воображения и советовал не предаваться не только нехорошим наслаждениям, но даже излишним, хотелось совсем отказать себе в пище и питье”. “Кое-что из его наставлений, – сообщает Сенека своему другу Луцилию в старости, – осталось у меня на всю жизнь. Сначала же я следовал им очень горячо, но затем, отдавшись общественной деятельности, растерял многие из этих правил. Но все же на всю жизнь я отказался от устриц и грибов, ибо эта пища служит не для насыщения, но лишь для возбуждения аппетита, и только помогает съесть больше, чем желудок мог бы вместить. Точно так же, благодаря советам Аттала, я на всю жизнь отказался от духов, тем более что всего лучше для тела, когда оно совсем не пахнет. Бросил я также пить вино и стал избегать бань, находя излишней изнеженностью расслаблять свое тело искусственными парами. Другие же привычки возвратились, хотя я в них наблюдаю строгую умеренность, тем более что она не легче, чем полное воздержание”.

Значительное влияние на жизнь и нравы Сенеки оказывал пифагореец Социон. Изложив доктрину вегетарианства, согласно учению Пифагора и пифагорейца Секстия, Социон склонил и Сенеку к воздержанию от мясной пищи. Около года Сенека питался исключительно растительной пищей. Он уже стал привыкать к ней, и ему казалось даже, что дух его стал подвижнее, а ум острее. Но в это время Тиберий начал гонения на тайные секты евреев и египтян, казавшиеся подозрительными тогдашнему правительству: внешним признаком этих сект было неупотребление в пищу мяса некоторых животных. Отец Сенеки, вообще не сочувствовавший философским увлечениям своего сына, воспользовался этим случаем и уговорил его отказаться от вегетарианства.

Из остальных учителей Сенеки замечателен своим гордым, неуживчивым характером киник Деметрий. Он был ходячей оппозицией всему тогдашнему строю жизни. Он презирал богатство, смеялся над властями, был неоднократно преследуем за вольный язык и между тем держался самых возвышенных правил. “Я любил его, Деметрия, – говорит Сенека в одном из своих писем, – и, бросив жирных улиток в пурпуре, говорил с этим полуобнаженным чудаком и восхищался, видя, что он не чувствует никаких лишений. Все презирать легче, чем иметь все. Кратчайший путь к богатству – презрение этого богатства. Деметрий же так живет, как будто он не то что презирает все вещи, но предоставил другим ими пользоваться”. Во времена Калигулы этот Деметрий удивил своим бескорыстием императора, отказавшись принять от него весьма ценный подарок. “Неужели, – сказал Деметрий, – он думал, что я дам продать себя за такую ничтожную цену? Чтобы подкупить меня, не хватило бы всего его царства”. Одному царедворцу, гордившемуся своим богатством, Деметрий сказал: “И я был бы так же богат, как и ты, если бы стал торговать своей совестью”. В глубокой старости он осыпал оскорблениями Веспасиана; но коса нашла на камень. Этот мудрый император презрительно заметил, что считает лишним убивать собаку, которая на него лает.

Сенека сохранил дружеские отношения с Деметрием до глубокой старости, почти до своей смерти.

Наконец, Фабиан Папирий славился как прекрасный оратор и высоконравственный человек. “Из уст его выходят не речи, но сама нравственность”, – говорил Сенека. В другом месте Сенека ставит его в образец лектора по философии за ясность и плавную медленность, с какою он читал свои лекции. Зато эта манера препятствовала Фабиану хорошо писать: его слог был недостаточно сжат, и хотя изложение его было весьма последовательно, однако казалось напыщенным и водянистым. Фабиан Папирий и стоик Аттал, кроме философии, читали лекции по естественной истории. Под их руководством написал Сенека свое сочинение о землетрясениях, переделанное им впоследствии и вошедшее в состав его “Естественноисторических вопросов” (“Quaestiones naturales”). В этом сочинении Сенека подробно разбирает различные гипотезы древних о землетрясениях, объяснявших эти явления то влиянием подземного огня, то колебаниями мирового океана, на котором плавает земной материк, то напором подземных газов, то сочетанием нескольких из этих причин. Сенека склоняется к объяснению землетрясений как следствия напора скопившихся под землею газов.

ГЛАВА III

Адвокатура Сенеки. – Столкновение с Калигулой. – Трактат "О гневе". – Знакомство с Юлией и изгнание на остров Корсика

Увлечение молодого Сенеки философией, да еще стоической, не нравилось его отцу. В самом деле, общественные условия той эпохи не благоприятствовали философии. Модной этикой того времени был легкий эпикуреизм, привитый римскому обществу грациозной поэзией Горация. "Добродетель, мудрость и справедливость, – говорили тогдашние представители высших классов, – только пустой звук. Все человеческое счастье заключается в хорошей жизни: есть, пить, расточать полученное наследство – вот это жизнь, вот это значит помнить, что мы смертны. Проходят дни, и минует быстротечная жизнь. Зачем же думать? Что за радость быть мудрецом в нашей жизни, в которой не всегда будут доступны наслаждения, даже в то время, когда можно им предаваться, когда сама природа их требует; предписывать себе умеренность – предвосхищать смерть и отказывать заранее себе в том, что она отнимет у нас. Нет у тебя любовницы; ежедневно ты проводишь время трезвым; обедаешь так, как будто тебе придется показывать свою расходную книжку строгому отцу. Это не называется жить, но только смотреть, как живут другие. Не безумно ли копить имущество для своего наследника и отказывать себе во всем, когда большое наследство только обращает друзей во врагов. Ибо чем больше останется после тебя, тем более будет радоваться твоей смерти наследник. Не ставь ни в грош этих мрачных и подозрительных цензоров чужой жизни, врагов самим себе, публичных наставников и не сомневайся, что веселая жизнь предпочтительнее их хорошего мнения" (из писем Сенеки).

Таково было настроение римского общества при первых императорах. Неудивительно поэтому, что философов-стоиков ненавидели за то, что их пример был живым укором обществу; правительству же они казались подозрительными, потому что, осуждая современный им порядок вещей, они, естественно, возвращались в мечтах к древним республиканским формам. Впоследствии стоиков нередко даже изгоняли из Рима императорскими декретами как людей вредных. Уже Сенеке в последних сочинениях приходилось тщетно доказывать, что философия не мешает политической благонадежности. Будучи, таким образом, небезопасными, занятия философией сверх того

считались мало почетными. Неудивительно поэтому, что усилия отца Сенеки и других его родных были направлены к тому, чтобы отвлечь Сенеку от излюбленной им науки. Уступая настояниям окружающих, молодой философ обратился к адвокатской деятельности: “Медицина, – говорили в то время, – ведет к богатству, адвокатура – к почестям”.

До нас не дошло ни речей Сенеки, ни процессов, которые он вел. Однако такой начитанный и талантливый человек, как он, притом еще имевший в ораторском искусстве такого наставника, как Сенека-ритор, не мог не явиться яркой звездой среди современных ему адвокатов. Не говоря уже о содержании речей Сенеки, которые не могли не блистать остроумием и глубокомыслием, сама форма их должна быть блестящей. Молодой увлекающийся красивый оратор, говоривший плавно и мерно, производил хорошее впечатление на своих слушателей.

Около этого времени Сенека женился. Кем была его первая жена – осталось невыясненным. Даже в сочинениях Сенеки почти нет указаний на нее. В одном только месте своего трактата “О гневе”, написанного в самом начале царствования Клавдия, философ упоминает, что он по вечерам имел привычку озирать умственным оком весь прошедший день и взвешивать свои поступки и что он делал это в присутствии своей жены, которая, зная его привычку, замолкала на это время. Жена его жила недолго и еще до ссылки философа на Корсику в 41 году от Р.Х. умерла, оставив после себя сына.

Адвокатскую деятельность Сенека, подобно большинству тогдашних юристов, соединил с административной и благодаря протекции своей тетки получил в начале царствования Калигулы место квестора.

Квестура, адвокатская деятельность и значительное наследство, полученное от отца, умершего в начале царствования Калигулы, быстро выдвинули Сенеку на общественном поприще, и к концу царствования Калигулы он уже появился при дворе. Сам император приходил слушать его речи. Однако его внимание причинило Сенеке только неприятности. Калигула был человек вообще ненормальный; в частности же он отличался болезненной завистью к талантам, доходившей порою до таких курьезов, что Калигула приказывал уничтожать в библиотеках сочинения и статуи Гомера, Вергилия и Тита Ливия. Калигула воображал себя первоклассным оратором, и успех Сенеки был для него просто личным оскорблением. Император сначала издевался над его речами, называя их ученическими упражнениями и “бесплодной пустынею” (arena sine calce); но, когда увидел, что его насмешки нисколько не уменьшают числа поклонников молодого оратора,

приказал его убить. Приказание это, впрочем, не было приведено в исполнение вследствие заступничества одной из вольноотпущенниц императора, уговорившей его не убивать философа, так как последний в это время был болен и, по словам вольноотпущенницы, в скором времени должен был умереть своею смертью.

Вскоре после этого погиб сам Калигула, став жертвой заговора. Однако философ, уже и раньше тяготившийся обязанностями адвоката, после пережитой опасности и совсем их оставил, чтобы предаться давно увлекавшим его занятиям философией. Приблизительно к этому времени относится первый из дошедших до нас философских трактатов Сенеки “О гневе”, посвященный брату Новату.

Сочинение это имеет целью опровергнуть мнение Аристотеля, находившего, что в известных случаях гнев бывает не только полезен, но даже необходим. Сенека подробно разбирает природу и свойства гнева, проводит границу между гневом и негодованием и между гневом и вспыльчивостью, затем доказывает, что гнев есть особое состояние души, вполне способное подчиняться разуму, и, наконец, сообщает различные меры, которые человек может употреблять, как чтобы утишить свой собственный гнев, так и чтобы успокоить другого человека. Вместе с тем Сенека не скупится на примеры как необыкновенной сдержанности и твердости характера, так и, напротив, неумеренной разнузданности и вспыльчивости. Все сочинение исполнено как практичности, так в то же время и высокой нравственной чистоты. Уча подавлять гнев, Сенека учит всепрощению и любви к ближнему. “За что ненавидеть тех, кто оскорбляет нас по неведению?” – говорит философ. В другом месте он рассуждает так: “Единственно, что может доставить нам спокойствие, – это взаимное соглашение быть снисходительными друг к другу. Этот человек меня оскорбил, а я ему ничего не сделал. Но, быть может, я оскорбил кого-либо другого или оскорблю после. Не следует принимать в расчет какой-нибудь определенный день и час. Пусть ты не сделал зла, – ты можешь его сделать. И потому не лучше ли забывать обиды, чем мстить за них? Мщение требует много времени, заставляет наносить много обид из-за какой-нибудь одной. Мы сердимся дольше, чем нас оскорбляют, так не лучше ли прощать обиды, чем усугублять одно зло другим?.. Прибавь еще, что всегда ты будешь находить причины к гневу, если не будешь бороться с ним. То ты вспылишь на одного, то на другого, и от постоянных раздражений будет разгораться и старый гнев. И когда же, наконец, ты будешь любить? О, сколько прекрасного времени тратишь ты на зло!

Сколько мог бы ты принести добра и своим родным, и близким, и родине, если бы занялся ими, вместо того, чтобы изыскивать средства, как бы причинить зло твоим врагам".

Наряду с всепрощением Сенека проповедует и самую широкую свободу. Он смеется над республиканцами, оплакивающими свободные установления прежних времен, и в то же время изгнавшими свободу из собственного дома. Сенека открыто порицает этих домашних тиранов, кричащих в исступлении на семью и на рабов.

Все это сразу определило место Сенеки при дворе развратного Клавдия, всецело подчинившегося тогда влиянию знаменитой в своем роде Мессалины. Он попал в ряды оппозиции, во главе которой стояла честолюбивая Юлия, добивавшаяся влияния на императора. Не может быть сомнения в том, что Сенека подавал ей мудрые дипломатические советы. Это обстоятельство, а также и вообще его слишком либеральный образ мыслей и острый язык (в своем сочинении "О гневе" Сенека, описывая безобразие гневного человека, списал его портрет с императора Клавдия) заставляли Мессалину искать случая избавиться от опасного философа, тем более что его строгий образ жизни во время его вдовства был ей живым и постоянным укором. При помощи одного из наемных доносчиков, каких было множество в императорском Риме, где донос обратился в ремесло, Мессалина обвинила Сенеку в преступной связи с самой Юлией, и, таким образом, сразу добилась изгнания обоих опасных для нее людей, а впоследствии – даже и смерти своей соперницы. Что Сенека никогда не был любовником Юлии – в этом не может быть сомнения. Если бы эта красивая и умная римлянка искала адюльтера прежде всего, она, вероятно, выбрала бы себе любовника помоложе. Болезненный сорокалетний философ в роли дон жуана или ловеласа кажется чем-то маловероятным, тем более что, по сочинениям Сенеки, относящимся к этому времени, видно, что он сам считает себя просто жертвой интриги. Точно так же думают о нем и ближайшие к нему римские историки – Тацит и Светоний.

ГЛАВА IV

Элегии Сенеки по поводу его изгнания. – Послание к Полибию. – Послание к Гельвии. – Образ жизни на Корсике и предпринятые во время ссылки ученые труды

После того, как Сенеке открывалась блестящая административная карьера, очутиться изгнанником, лишенным родных, друзей, с закрытою, как тогда казалось, навсегда дорогой к будущности, было очень тяжело. Надо прибавить к этому, что в Риме Сенека привык к комфорту, граничащему с роскошью; на Корсике с ее нездоровым климатом пришлось подвергаться лишениям. В Риме Сенека вращался в обществе людей высокообразованных и утонченных; на Корсике ему приходилось иметь дело с полудикарями. Достаточно вспомнить, как неутешно оплакивал свое изгнание Овидий, чтобы понять, что ожидало Сенеку. А ведь радости Овидия имели более чувственный характер и потому могли быть легче удовлетворены в Томи, чем духовные радости на Корсике. К тому же судьба не пощадила и сердечных чувств философа. Незадолго перед тем потерявший жену, Сенека всего за несколько недель до ссылки лишился и единственного сына, умершего на руках своей бабушки. Естественно, что даже философская стойкость Сенеки поколебалась, и этот железный человек, встретивший с таким холодным спокойствием смерть в конце своих дней, рассыпался в жалобах, вылившихся в несколько грациозных стихотворений. В одном из них он обращается к месту своего изгнания, Корсике, с такими выражениями относительно себя, какие применялись только к умершим:

> Корсика, ты приютила когда-то фокейских пришельцев!
> Корсика, ты в старину именем Цирна звалась!
> Корсика, меньше Сардинии ты, но пространнее Эльбы!
> Корсика, множество рыб плавает в реках твоих!
> Корсика, сколь ни ужасна ты при наступлении лета,
> Все же мрачнее, когда Сириус светит с небес!
> Сжалься над бедным изгнанником (лучше сказать: погребенным)!
> Пусть и живому твоя легкою будет земля!

В другом стихотворении философ самыми мрачными красками описывает природу Корсики:

В утесах вся и скалах мрачных —
Пустынная и дикая страна.
Тут нет посевов летом злачных;
Она румяных яблок лишена.
И по весне душистыми цветами
Не покрываются на Корсике поля;
Фонтаны не журчат сребристыми струями,
И глаз не веселит приветливое пламя…
Здесь лишь изгнание, и здесь изгнанник – я.

В горе Сенека дошел до того, что готов был просить о помиловании. Он решился на лесть и написал письмо к вольноотпущеннику императора Клавдия, Полибию, с выражениями покорности и преклонения перед императором, которого он так ядовито осмеивал и раньше, и впоследствии. Когда Сенека был возвращен из ссылки, он раскаивался, что написал это письмо, разыскивал и уничтожал его списки. Однако, хотя с утерянным началом, письмо это сохранилось до нашего времени и подало повод Диону Кассию, а за ним и немецким историкам, к самым низким выходкам против философа.

Достойно замечания, что из всех вольноотпущенников Клавдия, игравших такую видную роль в царствование этого императора, Сенека обратился именно к Полибию, наименее запятнавшему себя низкими поступками. Это был человек неглупый, образованный и не чуждый литературе. Он перевел на греческий язык “Энеиду”, а на латинский – “Илиаду” и “Одиссею”. Вскоре после изгнания Сенеки у Полибия умер брат. Ища заступничества перед императором, философ написал временщику послание-утешение в смерти брата. В утешении этом Сенека высказывает те утешительные истины, которые он затем неоднократно повторял и в других своих сочинениях на подобные темы. Он успокаивает горюющего брата тем, что покойный не погиб для него навсегда, но только раньше отправился в обитель душ, в которой он встретится с родными; он уговаривает не предаваться печали на том основании, что смерть неизбежна, и все равно, рано или поздно, должна была наступить; наконец, он советует искать утешения в научных занятиях, чтобы печаль не имела никакого доступа в душу потерпевшего утрату. Но наряду с этим, чего нельзя одобрить, Сенека, желая польстить Клавдию, советует Полибию утешаться возможностью ежедневно лицезреть императора: “Ты неблагодарен к судьбе, если думаешь, что при жизни Цезаря ты можешь плакать. Если он жив и невредим, то ты ничего и никого не потерял и не только не должен плакать, но

только радоваться. Если слезы начнут застилать твои глаза, возведи их на Цезаря, и они высохнут от созерцания столь светлого и славного существа". Послание свое Сенека заканчивает следующими жалобными словами, вполне объясняющими то уклонение от прямоты и стойкости, которое он допустил в своем письме: "Я написал тебе все это в твое утешение, хотя сам нахожусь в тревожном и подавленном настроении духа. Если мое письмо не произведет на тебя должного впечатления, а мои утешения покажутся малодейственными, подумай, что я сам в таком настроении, что мне трудно утешать других; ведь сам я окружен несчастиями, и даже латинская речь с трудом повинуется мне, так как мой слух ежечасно оскорбляется наречиями варварских языков, неприятных даже для тех из варваров, которые хоть немного цивилизовались".

Послание к Полибию осталось без последствий, потому ли, что вольноотпущенник не хотел оказать покровительства сосланному философу, или потому что он сам не имел уже достаточного влияния при дворе.

Зато философ скоро примирился со своей участью. Он умел забывать собственное горе, сочувствуя чужому. Едва привыкнув к жизни на острове Корсика, он поспешил написать своей матери в утешение, что его участь не так уж тяжела, как ему казалась прежде. Это его послание к Гельвии, которое неоднократно цитировалось выше, представляет одно из лучших его произведений как по возвышенности образа мыслей, так и по стилю. Сам мотив, вследствие которого было написано послание к Гельвии, очень возвышенный. Сенека забыл о своих личных лишениях и старается утешить свою мать в том горе, в котором она только сострадает. Сенека вспоминает слова прежних писателей, что тягость ссылки смягчается тем, что окружающая природа всегда более или менее одинакова и что всюду мы можем нести за собой свое нравственное я. "Повсюду, – говорит Сенека, – взоры наши встречают все тот же небесный свод. Лишь бы мог я всегда созерцать солнце, луну и звезды, наблюдать их восход и закат, смотреть на блестящий тысячами звезд свод неба, лишь бы мог я жить в их сообществе, насколько может человек участвовать в жизни небес, и мне будет безразлично, какая земля у меня под ногами. Страна, в которой я живу, не обильна плодоносными и тенистыми деревьями, она не орошается глубокими судоходными реками, она не производит ничего из того, что ценится людьми, и дает едва достаточный урожай для скудного пропитания ее обитателей; нет здесь ни дорогих камней, ни золота, ни серебра. Но сколь мелок тот, кого занимает это земное, суетное. Следует возводить свою душу туда, на небо,

которое всегда и всюду одинаково сияет, следует противопоставлять этим условным благам истинные и вечные. Чем длиннее строим мы портики, чем выше возводим башни, чем обширнее располагаем дома, тем больше закрываем мы небо. Пусть судьба забросила меня в страну, где хижина есть самое обширное жилище. Я бы счел себя малодушным и низким, если бы не мог утешиться мыслью, что и Ромул жил в хижине. Надо стараться, чтобы в этой хижине обитала добродетель. И она будет прекраснее всех храмов, если в ней будут обитать справедливость, воздержание, мудрость, благочестие, разум, познание божеского и человеческого. Разве ничтожно то место, в котором живут столько добродетелей? Никакая ссылка не покажется тяжелой, если можно удалиться в нее в таком обществе".

Сенека легко примирился и с отсутствием комфорта. "Я лишился не богатства, – пишет он, – но хлопот, сопряженных с ним. Потребности мои не велики: иметь кров от холода и пищу от голода и жажды. Все, что кроме этого, – требует порок, а не нужда".

В таких условиях Сенека прожил около восьми лет. Недостаток материальных удобств восполнялся умственным трудом. С первого же года жизни на Корсике Сенека принялся за деятельное изучение местной природы, нравов и языка народонаселения. Он различил в местном говоре следы многих национальностей, сменявших одна другую на острове, а затем принялся за чтение писателей и наблюдения и по другим отраслям естествознания. Вот как описывал Сенека матери свое времяпрепровождение на острове Корсика в конце первого года своей ссылки:

"Я бодр и весел, как и в лучшие мои дни. Мой ум свободен от мелочных забот, и я занимаюсь тем, что мне нравится. Когда я устаю от более серьезных занятий, я читаю что-либо легкое или, жадный до исследования истины, погружаюсь в созерцание природы. Я изучаю земли и их относительное расположение, затем море, приливы и отливы, затем тот промежуток между небом и землею, в котором зарождаются громы, молнии, ветры, дожди, снег и град; наконец, постепенно переходя к высшему, наслаждаюсь великолепным зрелищем неба и, вспоминая о вечности и бесконечности, перехожу к исследованию того, что всегда было и будет".

В этих словах заключается, между прочим, программа написанных впоследствии Сенекою "Естественноисторических вопросов". Очевидно, материал для них был собран философом еще на острове Корсика.

Из дошедших до нас сочинений Сенеки, кроме посланий к Полибию и к Гельвии, не дошло ни одного, относительно которого можно бы было с уверенностью сказать, что оно закончено во время ссыпки философа. Но, судя по тому, что до нас дошли далеко не все произведения Сенеки, а также по тому, что за время его отсутствия в Риме его популярность как философа не только не уменьшилась, но значительно возросла, надо думать, что он широко воспользовался своим вынужденным досугом для писания сочинений по различным отраслям современной ему философии.

ГЛАВА V

События в Риме. – Возвращение Сенеки из ссылки. – Его товарищи при дворе. – Аницет и Афраний Бурр. – Воспитание Нерона.– Его успехи в риторике. – Занятия философией. – Хорошие стороны в характере Нерона

Между тем за время семилетней ссылки Сенеки положение дел в Риме существенно изменилось. Мессалина, дошедшая в своем разврате до крайних пределов бесстыдства, пала жертвой собственного легкомыслия, и император женился во второй раз на Агриппине. Искусной придворной политикой Агриппина расчистила себе путь к власти, удаляя и ссылая одних из представителей враждебной ей партии и привлекая на свою сторону милостями, которые доходили иногда до совсем непозволительных размеров, других.[4] Но, достигнув престола сама, Агриппина хотела обеспечить его и за своим сыном Нероном, и с этою целью стала создавать себе партию.

В числе привлеченных ею ко двору деятелей был и Сенека, которого она вернула из ссылки, поручила ему воспитание своего сына и возвела в должность претора. Тацит замечает по поводу возвращения Сенеки, что Агриппина вернула этого популярного философа затем, чтобы прославиться не одними только злодействами. Эти слова историка свидетельствуют, конечно, о том уважении и той популярности, какими славилось имя Сенеки. Действительные же побуждения Агриппины были иного свойства. Она вступала в брак с Клавдием не ради единения интересов с мужем, но ради удобства борьбы с ним. Агриппина хотела царствовать сама, она хотела, кроме того, лишить престола законного наследника – сына Клавдия, Британника, и возвести на престол своего сына от первого брака – Нерона. Агриппина вступала на супружеское ложе не в качестве советницы и друга, но в качестве врага; оттого партия Агриппины при дворе была, в сущности, сильной оппозицией Клавдию. Сенека же зарекомендовал себя еще раньше оппозицией императору. Ссылка могла только усилить враждебные чувства будущего автора “Апоколокинтозиса” к Клавдию, и на Сенеку Агриппина могла рассчитывать как на преданнейшего союзника в борьбе с мужем. Ум и такт философа были известны при дворе; немалое значение имела в глазах Агриппины и популярность Сенеки. Она знала, что, возвращая из ссылки невинно пострадавшего мудреца, она выиграет в глазах народа. Наконец и для Нерона быть воспитанным под руководством мудрейшего из современников

был немалый шанс по сравнению с Британником, получившим образование среди рабов.

Двор, при котором должен был играть роль Сенека, представлял из себя самое жалкое в нравственном отношении зрелище. Вокруг развратного императора толпились вольноотпущенники и рабы. Агриппина окружала себя фаворитками. Это была пресмыкающаяся толпа нравственных ничтожеств, вечно интриговавших друг против друга и державших себя относительно других людей с заносчивостью выскочек.

Ближайшими сотрудниками Сенеки в деле воспитания молодого принца были Аницет и Бурр.

Нравственный облик Аницета весьма непригляден. Достаточно сказать, что ему принадлежит план убийства Агриппины с помощью распадающегося корабля. Но Аницет был высокообразованный инженер и обучал Нерона математике и техническим искусствам. Совсем иного рода человек был Бурр. Это был старый римский воин, закаленный в походах, мужественный, неподкупной честности, прекрасно образованный, но на вид недалекий и грубоватый. Тем не менее это был единственный порядочный человек при дворе, и неудивительно, что Сенека сошелся с ним ближе всего, и с тех пор их имена встречаются в истории всегда рядом.

Задача у Сенеки была нелегкой. Первоначально воспитание Нерона было запущено, а его природные наклонности были самого низкого склада. Рассказывают, будто отец его, узнав о рождении сына, сказал, что от его брака может родиться только чудовище. Первые годы жизни Нерона протекли вне родительского дома. Отец его умер вскоре после рождения сына, а мать находилась в изгнании за участие в заговоре Лепида против Калигулы. Нерон воспитывался в доме своей тетки, Домиции Лепиды, под руководством цирюльника и танцора. Позже, по возвращении матери, он был окружен лучшими воспитателями и при своих природных способностях усвоил себе кое-какие знания, однако в образовании его не было никакой системы, и знания Нерона были отрывочны.

К тому времени, когда Сенека начал свои занятия с Нероном, молодой принц оказывал уже значительные успехи в рисовании, пении, ваянии, писании стихов, музыке и в гимнастических упражнениях. Но научные интересы были слабы, и вообще Нерон уже тогда оказывал склонность к дилетантству.

Сенека озаботился о том, чтобы дать Нерону вполне законченное образование в том объеме, какой был принят в современных ему школах. Это значило, дав некоторые сведения в

искусствах, математике, греческом языке, географии и истории, перейти к изучению риторики и философии. Древняя латинская литература в то время уже вышла из моды, и даже в школах не считали нужным читать Невия и Энния; предпочитали ограничиваться образцами греческой поэзии.

В помощь Сенеке были приглашены два ученых грека: Александр Эгейский, философ-перипатетик, и Херемон. Под их руководством Нерон читал греческих поэтов и навсегда сохранил пристрастие к Гомеру. Но в том возрасте, в котором Нерон начал свои занятия с Сенекой (12 лет), переходили уже к занятиям риторикой. В этом искусстве Нерон не оказал особых успехов, и историки даже упрекают его в том, что он был первым из римских императоров, речи которого предварительно сочинялись другим лицом (Сенекой). Впрочем, благодаря усилиям своего наставника Нерон настолько поднаторел в ораторском искусстве, что мог в торжественных случаях говорить речи, и первые его речи, произнесенные им в сенате еще при Клавдии, имели успех.

Воспитание Нерона, однако, осталось незаконченным, так как Агриппина восстала против желания Сенеки преподавать принцу философию в полном объеме. Нерон познакомился с этим последним словом тогдашней науки весьма поверхностно.

Что касается нравственного воздействия на Нерона, то при тогдашнем составе двора и нравственных качествах самой Агриппины трудно было в этом отношении достигнуть каких-либо результатов. Тем не менее, Сенека не упускал случая внушить своему воспитаннику добродетель и старался сделать это в возможно более привлекательной форме. Так, можно думать, что если трагедии Сенеки принадлежат действительно философу, они созданы, по крайней мере отчасти, для его ученика. Написанные совершенно не для сцены, они содержат в себе множество нравственных сентенций, близких с теми, которые проводил философ в своих прозаических сочинениях. Сюжеты же из греческой героической жизни призваны были привлекать к себе интерес юного Нерона.

Несомненно, что Сенека скоро разгадал природу Нерона. Он рано говорил, что это хищный лев, которому стоит только дать попробовать крови, чтобы он обнаружил всю ярость своего характера, и потому Сенека по возможности держал своего ученика в узде, стараясь отвлечь его от вредных и жестоких наслаждений, обращая его на более невинные и позволительные. При этом Сенека держал себя со свойственным ему либерализмом и отнюдь не требовал от Нерона сурового аскетизма и полного отречения от мирских наслаждений.

Впрочем, при всей дикости и жестокости в характере Нерона,

особенно в молодости, было много симпатичного. Он был доверчив, весел, любил поэзию, легко выносил шутку и вообще отличался терпимостью. Его наклонность к стихотворству подавала кое-какие надежды, и если бы Нерон не оставался всю свою жизнь неисправимым дилетантом, быть может, он был бы недурным писателем. В отношении Сенеки Нерон долго выказывал уважение и преданность, и потому не должно казаться странным, что и философ искренне привязался к своему ученику.

ГЛАВА VI

Новые друзья. – Марция. – Павлин. – Вторая жена Сенеки, Помпея Паулина. – Анней Серен. – Фобий Рустик. – Луцилий. – Императрица Агриппина. – Интимные философские вечера

Придворная жизнь и административная деятельность Сенеки столкнула его со множеством весьма разнообразных людей. С некоторыми он сошелся ближе, и они стали его друзьями. Во всех этих друзьях Сенеки, при всем разнообразии их характеров и общественных положений, была одна общая черта – живой интерес к литературе и философии. Все они были или сами писателями, или ревностными поклонниками литературы. В число таких образованных друзей Сенеки, составлявших его любимое общество, входили и женщины. Такова была, например, Марция, дочь Кремуция Корда, известная нам по трогательному посланию, которое философ написал ей в утешение по поводу смерти ее сына. Отец этой замечательной женщины жил и писал при Тиберии. Он написал историю последнего периода Римской республики, в которой вполне выразил свой радикальный образ мыслей, называя Брута и Кассия последними римлянами. По распоряжению Тиберия сочинения эти были сожжены рукой палача, а сам Кремуций Корд, преследуемый клевретами Тибериева любимца Сеяна, чтобы не стать их жертвой, уморил себя голодом. Его дочь, Марция, все время находилась при отце и ободряла его, а значительную часть сочинений Кремуция Корда ей удалось сохранить и издать их снова при Калигуле. Жизнь этой либеральной женщины была рядом тяжелых сердечных утрат, переносимых ею с редкой твердостью. Послание Сенеки к Марции полно возвышенных мыслей и прекрасных утешительных выражений. Смерть представляется философу неизбежным следствием жизни и даже утешением в ее горестях. “Видя столько матерей, огорченных поведением или судьбою своих детей при их жизни, как можешь ты сокрушаться, зная, что твой сын избежал превратностей своего века”, – замечает философ.

Недовольство и неудовлетворенность своей придворной и общественной деятельностью постоянно слышится у Сенеки. В другом своем послании – к Павлину, озаглавленном “О краткости жизни” и написанном в первый же год после возвращения из ссылки, философ называет жизнью только то время, которое люди посвящают занятиям философией и самосовершенствованию. Все же административные, общественные и иные обязанности он считает бесплодной тратой времени. Жизнь наша не коротка сама

по себе, но мы тратим ее попусту – вот общая мысль трактата Сенеки. Все часы, проведенные на пирах, в домашних дрязгах, в ссорах, на службе, теряются; напротив, кто занимается мудростью, тот не только не теряет настоящего, но приобретает и прошедшее; к своим годам он прибавляет целые столетия.

Павлин, которому посвящен трактат “О краткости жизни”, ведал продовольственными магазинами в Риме. Он считался одним из ревностнейших и честнейших чиновников. По словам Сенеки, он заботился об общественном благе как о своем, но при употреблении его помнил, что оно чужое. Это было редкостью в то время, когда злоупотребления, взяточничество, вымогательство и растраты были самыми обычными явлениями. В доме этого Павлина Сенека познакомился и со второй своей женой, Помпеей Паулиной, которая приходилась первому, по одним источникам, дочерью, по другим – сестрой. Сенеке в то время было за пятьдесят лет. Однако его ученость, опытность, утонченность манер и вкусов делали его очень приятным в обществе. Он охотно проводил время среди дам. Неудивительно поэтому, что молодая умная Паулина могла искренне привязаться к философу, бывшему вдвое старше ее, и выйти за него замуж. Со своей стороны, Сенека очень гордился своей женой. Она нравилась ему и своей красотой, и тем, что происходила из хорошего дома; но главным образом он ценил в ней интеллигентность, доброту и приветливость. Философ и его молодая жена жили, что называется, душа в душу, в полном согласии и любви. Сенека трогательно описывает, как она заботилась о его здоровье, когда он, заболев лихорадкой, все же хотел во время ее приступа уехать из Рима в свое Номентанское поместье. “Я бежал в Номентанское поместье, – писал Сенека Луцилию, – бежал от города и от начинавшейся у меня лихорадки. Я велел закладывать экипаж, несмотря на увещания Паулины. Врач сказал, что у меня начинается лихорадка, что это он узнает по неправильности моего пульса. Тогда я поспешил уехать, вспомнив, что мой брат Галлион точно так же, захворав в Ахаии лихорадкой, немедленно отплыл оттуда, говоря, что это не его болезнь, но страны. Я сказал это и Паулине, которая заботится о моем здоровье. И я, так как мне известно, что ее благосостояние связано с моим, начинаю заботиться о себе, чтобы заботиться о ней, и хотя мои лета давали бы мне право пренебрегать многим, однако я не пользуюсь этим преимуществом своего возраста, ибо я всегда помню, что в отношении жены я должен быть еще молодым и заботиться о себе. И так как я не могу добиться от нее, чтобы она в своей любви ко мне была благоразумнее, то я сам стал более

внимателен к себе. Надо уступать таким побуждениям, и хотя условия таковы, что умереть было бы приятнее, надо стараться жить ради своих близких. Ведь доблестный муж должен жить не пока ему приятно, но до тех пор, пока это нужно. Жалок тот, кто неспособен настолько любить жену или друга, чтобы остаться ради них жить, несмотря на желание смерти… Я полагаю поэтому, что следует заботиться о себе и в старости, если знаешь, что твоя жизнь дорога, приятна и желательна кому-либо. Эти мелкие и несносные заботы заключают, однако, в себе и приятную сторону: ведь утешительно быть столь дорогим для своей жены, что ради этого быть дороже и себе самому. Таким-то образом Паулина заставляет меня бояться и заботиться не только о ней, но и о себе самом".

Позднее мы встретимся с еще более трогательными доказательствами взаимной любви и нравственной связи между Сенекой и его женой.

Из остальных друзей Сенеки упомянем здесь об Аннее Серене, занимавшем должность префекта городской стражи. Анней Серен был веселым человеком, участвовал во многих пиршествах и забавах Нерона в лучшие его времена, пока эти пиры еще не принимали характера дебошей, но веселость не мешала Серену быть почитателем философии. Сенека посвящал ему некоторые из своих сочинений. Вообще Сенека из тогдашней римской молодежи был наиболее привязан к Аннею Серену, и когда тот безвременно умер, отравившись вместе со всеми собеседниками за обедом ядовитыми грибами, философ неутешно и неумеренно оплакивал своего друга. Горе Сенеки было так глубоко, что впоследствии он сам сознавался, что философ должен бы быть умереннее и спокойнее.

Из старых своих друзей Сенека возобновил знакомство с Фабием Рустиком, другом своего отца. Фабий Рустик составил летопись событий во времена императоров, начав ее на том месте, на котором остановился отец Сенеки. Этой летописью впоследствии пользовались как материалом для своей истории Тацит и Светоний.

Вероятно, в это же время познакомился Сенека и с Луцилием, римским всадником, который благодаря личным заслугам вскоре был назначен прокуратором Сицилии. Луцилий тоже отличался любовью к литературе и философии, о которой свидетельствует как переписка его с Сенекой, в которой много писем посвящено разным вопросам нравственной философии, так и его дидактическое стихотворение "Этна". Сенека очень любил Луцилия. Письма его к другу написаны необыкновенно задушевным, ласковым тоном, хотя в них слышится голос

авторитетного наставника, обращенный к нежно любимому ученику. Впрочем, по возрасту Сенека и Луцилий были почти ровесники.

Наконец, в числе неизменных друзей Сенеки в последние годы царствования Клавдия следует считать саму императрицу Агриппину. Сенека был ее ближайшим советником и другом, и они постоянно совещались о воспитании Нерона. Злые языки говорили даже о любовной связи между Сенекой и императрицей. Эти слухи вряд ли имели под собой какое-нибудь фактическое основание; но, во всяком случае, они доказывают, что и пятидесятилетний Сенека мог быть интересен и привлекателен для женщин. Вместе с тем, они могут служить хорошей иллюстрацией нравов того времени, когда не могли допустить, что мужчина и женщина могут наедине рассуждать о вопросах отвлеченных, не предаваясь попутно и чувственным развлечениям. Несомненно только, что факт связи между Сенекой и Агриппиной ничем не подтвержден, и даже напротив, во всех таких поступках, в которых императрице нужна была преданность превыше чести, она не пользовалась услугами философа.

Жизнь Сенеки в последние годы царствования Клавдия и первые годы правления Нерона проходила хотя и на виду у всех, однако уединенно. Он избегал толпы, почти не посещал театр и гладиаторские бои, вошедшие тогда в моду, весьма тяготился официальными приемами и каждой свободной минутой пользовался для того, чтобы обратиться к своим любимым научным занятиям. Если припомнить, что все сочинения философа писались “в часы досуга”, урывками между уроками Нерону, официальными приемами и исполнением преторских обязанностей, то можно только удивляться, когда он успевал следить за всеми выходящими в свет книгами и писать столько глубокомысленнейших трактатов.

Сенека избегал шумных пиров с характерным для императорского Рима обжорством. Он не любил роскоши, и хотя жил роскошно, но не придавал обстановке особого значения. По его прекрасному выражению, он ел на серебряной посуде с таким же равнодушием, как будто она была глиняной.

Любимым отдыхом Сенеки от трудов было, когда по вечерам к нему собирались его друзья, и они вместе занимались чтением какого-либо философского сочинения, вроде трактатов Социона, Фабиана, Секстия. После чтения подымались споры и прения по разным отвлеченным метафизическим вопросам, возникавшие вследствие прочитанного. На этих интимных вечерах, кроме Луцилия, бывали многие знакомые Сенеки – Либералис, престарелый поэт Ауфидий Басс, Флакк и многие другие, о ком

упоминается в переписке Сенеки с Луцилием.

Жизнь философа вообще была полна интеллектуальных интересов, и фигура его резко выделяется на общем фоне развратников и кутил, составлявших значительную часть тогдашних высших классов. Несомненно, что вкусы Сенеки лежали вне двора и общественной жизни, и его удерживало на посту только сознание своей важности, своей незаменимости и желание общественного блага.

ГЛАВА VII

Смерть Клавдия. – "Апоколокинтозис". – Начало царствования Нерона. – Борьба с Агриппиной. – Роман Нерона и Актеи. – Богатства Сенеки

13 октября 54 года умер Клавдий, и на престол вступил не достигший еще семнадцатилетнего возраста Нерон. Эта перемена имела громадное значение в жизни Сенеки. Из профессора риторики он превратился в полновластного министра, так как сам император, по молодости своей, не мог самостоятельно заниматься делами управления, и первыми шагами Нерона пришлось руководить Сенеке.

Первыми действиями молодого императора было воздаяние установленных почестей покойному Клавдию. Клавдий был причислен к сонму богов; Агриппина была назначена жрицей нового божества, а Нерон произнес торжественную погребальную речь, написанную Сенекой. Речь эта, несмотря на обычный стиль и такт Сенеки, по справедливости считавшегося лучшим оратором того времени, произвела на слушателей не совсем благоприятное впечатление. Пока Нерон говорил о благородстве происхождения Клавдия, о доблестях его предков, его личных наклонностях к научным занятиям, о мире и благоденствии, которыми пользовались провинции в его царствование, внимание слушателей поддерживалось, но когда Нерон перешел к восхвалению справедливости и государственной мудрости Клавдия, никто не мог удержаться от смеха.

Гораздо большим успехом увенчалась, так сказать, подпольная сатира Сенеки против Клавдия, пародировавшая апофеоз этого ничтожного императора. В ней Сенека излил свои истинные чувства – всю свою злобу против Клавдия, которая за последние дни обострилась еще и обязанностью принимать участие в обожествлении императора, несмотря на то, что Сенеке был глубоко противен даже самый обычный апофеоз смертных, но сильных мира сего.

Сенека имел и личные причины ненавидеть Клавдия – за свою ссылку, за те унижения, которые приходилось переносить при его дворе; но, помимо личных отношений, он считал Клавдия за ничтожного и жалкого развратника. Клавдий был от природы ограничен, к концу же своей жизни – как раз к тому времени, как его избрали в императоры, – совсем выжил из ума. При дворе Калигулы Клавдий был мишенью грубых и оскорбительных насмешек императора. Ставши сам кесарем, Клавдий жил в

постоянной тревоге, боясь заговоров, и поэтому был жесток с окружающими. Он был притом так забывчив, что нередко приглашал к своему столу лиц, которых весьма незадолго перед тем казнил. Казнив свою жену Мессалину, он вскоре стал выказывать знаки недоумения по поводу ее отсутствия на супружеском ложе. Когда однажды к Клавдию пришли представители одной провинции с жалобой на своего наместника, он понял, будто они благодарят императора за удачный выбор для них правителя, и продлил срок его проконсульства еще на два года. Клавдий имел слабость лично выслушивать тяжущихся на форуме, и при этом часто выносил приговор, забыв выслушать защитника. Кроме того, Клавдий был крайне вспыльчив и смешон во гневе. Все эти черты покойного императора нашли точное воспроизведение в сатире Сенеки.

Сатира написана в смешанной форме – в стихах, прерывавшихся прозой, и, по мнению критиков, представляет из себя лучший образец легкого политического памфлета. Дион Кассий сообщает, что она была озаглавлена “Апоколокинтозис”. Слово это есть пародия на слово “апофеоз”. Как это последнее означает обращение в бога, так первое значит превращение в тыкву, – растение, служившее у древних символом глупости (как у нас пробка). Однако в дошедших до нас списках сатира нигде так не называется, равным образом в ней не упоминается об обращении императора в тыкву. Содержание сатиры состоит в том, что Клавдий после смерти[5] попадает в царство мертвых, где заявляет претензию на божеский сан; в претензии этой, однако, ему отказывают, по предложению Августа, и передают Клавдия в руки одного из адских судей, Эака. Эак, по свойственному ему беспристрастию, осуждает Клавдия, не выслушав его оправданий, как это при жизни делал и сам император. Клавдия приговаривают вечно исполнять одну и ту же бесполезную работу, а именно – так как он был любителем игры в кости, вечно бросать кости из дырявой чашки. Наказание это, однако, не было приведено в исполнение, так как, едва Клавдий принялся за это занятие, явился Калигула и потребовал его себе как своего беглого раба. Претензия Калигулы была уважена, но он подарил Клавдия, за негодностью, письмоводителю адского суда Менандру – в помощники при судопроизводстве. На этом сатира обрывается. Весь интерес ее сосредоточивается в частных намеках на лица и события в Риме, теперь без комментария не понятных.

Похоронив Клавдия, Нерон, или, точнее, Сенека, обратился к общественным делам. Прежде всего, Нероном была произнесена в сенате речь, в которой излагалась программа нового царствования. Нерон обещал устранить те законы, которые

возбуждали особое недовольство в народе. Он обещал не быть единоличным судьею в процессах, не судить обвинителя с обвиненным в тиши своего дворца, предоставляя решающее слово немногим приближенным. Двор Нерона будет недоступен продажности и интригам, и его личные дела будут отделены от общественных. Сенат вступит в свои прежние права, провинции будут входить в сенат через своих проконсулов; сам же Нерон будет стоять во главе войска.

Благодаря Сенеке и Бурру обещания Нерона в первые годы царствования выполнялись, и очень многие законы прошли помимо императора через сенат: так, был установлен закон, запрещавший взимать плату с тяжущихся за ведение процесса, было отменено постановление, принуждавшее избранных в квесторы давать гладиаторские игры, – в этом последнем законе можно усмотреть влияние самого Сенеки, и т. п. Когда Нерон был избран консулом вместе с Луцием Антистием и, по требованию сената, Антистий должен был принести присягу в верности императору, Нерон, памятуя, что консулы только соправители, равные друг другу, освободил своего сотоварища от присяги. В Риме по случаю этого поступка заговорили о возвращении к золотым временам республики…

Однако, хотя все эти поступки совершались под именем Нерона, ни для кого не могло быть секретом, что за ними кроется Сенека. И в самом деле, когда в Армении вспыхнул мятеж, в Риме встревожились, опасаясь, что император по молодости лет не сумеет справиться с ним; но упоминание о Сенеке и Бурре заставляло успокаиваться умы граждан. Предчувствуя в Нероне кровожадность, Сенека обращал особое внимание на развитие в императоре наклонности к милосердию. Он успел в этом настолько, что, подписывая первый смертный приговор в свое царствование, Нерон воскликнул: “О, если бы я не умел писать!” В восклицании этом есть, однако, доля лицемерия. Тем не менее, Сенека подхватил его и в начале второго года царствования Нерона посвятил ему трактат “О милосердии”, в котором необыкновенно превозносил кроткий нрав Нерона и красноречиво доказывал ему хорошие стороны милосердия, приводя в пример Августа, достигшего расцвета славы и безопасности именно в конце своей жизни, когда стал снисходительнее обращаться со своими врагами, чем многих привлек на свою сторону. Этот трактат Сенеки, хотя и написанный по правилам стоической философии, отличается необыкновенной простотой и популярностью изложения: очевидно, философ применялся к возрасту и к пониманию своего ученика. Но, кроме теоретических советов быть милосердным, Сенека старался и практически

приучать Нерона к этой добродетели, заставляя молодого императора произносить в сенате речи в пользу граждан, невинно пострадавших при Клавдии. Так, по настоянию Нерона, был возвращен Платон Латерат, обвиненный в связи с Мессалиной и лишенный сенаторского звания.

Если Сенеке и не удалось сделать Нерона милосердным навсегда, хорошо уже и то, что он был милосерден хоть когда-либо. Во всяком случае, благодаря Сенеке первые годы правления Нерона были так хороши, что впоследствии император Траян говаривал, что редкий правитель превзошел доблестями Нерона в первые пять лет его царствования.

К несчастью, Сенеке с самых первых шагов приходилось бороться с Агриппиной, которая во всех мерах республиканского характера видела умаление своих почестей. Ей хотелось самой царствовать именем Нерона, но допустить ее до этого, при ее мелком властолюбии, было бы весьма рискованно. Оттого одной из первых задач придворной деятельности Сенеки было устранение Агриппины. Это было нелегко, так как она пользовалась большим влиянием на сына. Нерон называл ее лучшею из матерей. Она присутствовала за занавесью при заседаниях сената, происходивших во дворце. Наконец Агриппина обладала значительною дозой нахальства и делала попытки стать даже выше императора, пользуясь его юношеской застенчивостью.

Первое столкновение Сенеки с Агриппиной произошло при приеме армянских послов, просивших аудиенции у Нерона. Агриппина хотела сама принять их, но Нерон, по знаку Сенеки, пошел к ней навстречу. Таким образом, под видом любезности к матери он не допустил ее к почестям императрицы.

Следующее столкновение Сенеки с Агриппиной произошло по поводу Актеи. Как известно, Нерон был женат на дочери Клавдия – Октавии; но брак этот был ему не по сердцу, и при страстности темперамента Нерона можно было ожидать больших неудобств, в случае если бы его любовь обратилась к какой-нибудь честолюбивой придворной даме. Поэтому Сенека и Бурр вздохнули с облегчением, когда выбор Нерона пал на скромную и бесцветную вольноотпущенницу, неспособную играть никакой политической роли и сверх того благоговевшую перед умом и добродетелью Сенеки. Напротив, Агриппина пришла в ярость, узнав о сердечной склонности сына. Тем не менее, Сенека, надеясь, что связь с Актеей предохранит Нерона от более опасных увлечений, покровительствовал ей. Друг Сенеки, Анней Серен, принял на себя исключительную роль притвориться влюбленным в Актею и взять на себя грех императора. Все поведение Сенеки в этой истории достойно удивления. Вмешаться в такое щекотливое

дело, рискуя самому потерять репутацию, – на это может быть способен только человек, обладающий широким нравственным мировоззрением.

Но Агриппина не могла успокоиться. В гневе она стала грозить, что возбудит народное восстание против императора в пользу Британника, законного наследника Клавдия. Когда эта угроза дошла до Нерона, он приказал отравить Британника, а Агриппина впала в немилость. Ее личный враг, тетка Нерона – Домиция Силана – с помощью наемных доносчиков обвинила Агриппину в желании возвести на престол Рубеллия Плавта. Донос был сделан во время пира и привел Нерона в ярость. В гневе хотел он без суда убить Агриппину и лишить звания начальника стражи Бурра как пользовавшегося ее покровительством. Но вследствие убеждений Сенеки Нерон отменил свои приказания и послал философа допросить свою мать. Агриппина вела себя на допросе с редким достоинством. “Я не удивляюсь, – сказала она между прочим, – что материнские чувства неведомы Силане: у нее не было детей. Мать не может изменять своим детям так, как это низкое создание изменяло своим любовникам… Если Домиция своим доносом хотела только выказать заботливость о моем сыне, я ей очень благодарна; но это всего лишь комедия, измышленная ею в обществе любовников. Благодаря мне Нерон был усыновлен Клавдием, облечен консульскою властью, получил престол; а эта женщина, что делала она для моего сына? Задавала пиры в Байях! И чего ради стала бы я заводить смуту, поднимать войска, нанимать убийц, – разве я буду царствовать? Кто бы ни был на престоле: Плавт, или кто другой, – всегда будут у меня враги, чтобы обвинять меня – не в словах, вырвавшихся в минуту гнева, в минуту безумия оскорбленного чувства, но в преступлениях, в которых может оправдать только сыновняя любовь”.

Эта речь произвела сильное впечатление на Нерона. Он примирился с матерью, и этот их мир был гораздо опаснее прежней дружбы… Чувственность Нерона достигла в это время таких размеров, что для того, чтобы погасить ее, он в компании придворных развратников производил дебоши на римских улицах.

Удаление Агриппины от двора было апогеем силы и значения Сенеки, после чего его влияние на императора начинает быстро уменьшаться и падать. К этому времени Сенека достиг высших гражданских почестей: в 57 году от Р. Х. он был консулом. Богатства его также значительно возросли благодаря щедрым подаркам Нерона. Состояние его в это время оценивалось крупной суммой в триста миллионов сестерциев (около

13,25 млн. золотых рублей). Одних драгоценных треножников у него было несколько сот. Это огромное состояние требовало для управления значительной траты времени, тем более, что Сенека не оставлял своего имущества мертвым капиталом. Деньги его пускались в разные обороты в провинциях, преимущественно в Британии; в обширных же своих поместьях Сенека развел виноградники. Он управлял своими имениями отчасти через доверенных лиц, отчасти же непосредственно, так как сам был прекрасным знатоком виноградарного искусства.

ГЛАВА VIII

Процесс Сциллия. – Упреки Сенеке в его богатстве. – Послания к Галлиону “О счастливой жизни” и к Серену “О неуязвимости мудреца”. – Трактат “О благодеяниях”. – Взгляды Сенеки на рабов

Громадное богатство Сенеки и неослабевающая к нему милость Нерона, естественно, вызывали к философу зависть. Один из завистников выступил против него даже с публичными обвинениями. Это был некто Сциллий, взявшийся обвинять философа, неизвестно, по собственной инициативе или по тайному уговору с кем-либо из более влиятельных лиц партии, противной Сенеке. Прошлое Сциллия было весьма сомнительным. Еще в царствование Тиберия он был изгнан из Рима за лихоимство в судебном процессе, совершенное им в качестве квестора. Позднее, в царствование Клавдия, вернувшись в Рим, он составил себе громадное состояние, занимаясь доносами, совершаемыми им как по собственному почину, так и по поручению Мессалины. Своими доносами Сциллий погубил немало знатных римлян.

Когда при Нероне был восстановлен закон Цинция, запрещавший даже адвокатам принимать денежное вознаграждение от тяжущихся, и Сциллий был привлечен к ответственности в нарушении этого закона, он, взамен оправданий, обрушился с обвинениями в адрес Сенеки. По словам Сциллия, Сенека преследовал всех друзей Клавдия, чтобы тем самым отомстить за свое изгнание. Пустота занятий Сенеки и его старания выдвигать на сцену молодежь вели к тому, что забывались немногие представители настоящего ораторского искусства. Он, Сциллий, действительно был квестором Германика, Сенека же внес растление в нравы семейства этого великого человека. Неужели получение благодарности за ведение процесса – большее преступление, чем обольщение знатных дам Рима? И какой философией, какой мудростью, какими заслугами сам Сенека в течение четырех лет милостей Цезаря составил себе состояние в триста миллионов сестерциев? Сенека присвоил завещания римских граждан и имения богачей, умерших без наследников. Италия и провинция обременены его поборами. Он же, Сциллий, владеет весьма умеренным состоянием, и все готов перенести скорее, чем подчиняться какому-то выскочке.

Сочинения философа дают лучший ответ на клевету Сциллия, в которой наиболее существенным является обвинение

Сенеки в алчности. Однако и это обвинение не выдерживает критики. Действительно, Сенека пускал свои деньги в рост. Дион Кассий упоминает даже как об одной из причин восстания британцев в 61 году (спустя два года после процесса Сциллия) то, что Сенека, ссудивший свои деньги британцам, сразу потребовал обратно всю сумму долга. Весьма вероятно, что Сенека и сделал это именно вследствие обвинений Сциллия, не желая, чтобы даже тень любостяжания лежала на его поступках. Но неужели можно вменять в преступление человеку то, что он не оставляет лежать свой капитал мертвым? Что же касается источников богатства Сенеки, то оно составилось исключительно подарками Нерона.

Император был очень щедр на подарки, в особенности по отношению к своему прежнему воспитателю, а при деспотизме Нерона не принимать эти подарки было невозможно. Тацит упоминает, что после убийства Британника Нерон разделил имения принца между своими приближенными; в их числе, очевидно, был и Сенека. Такого рода подарки приходилось принимать поневоле. В своем трактате “О благодеяниях” Сенека прямо говорит: “Не всегда можно отказываться; иногда бываешь вынужден принять подарок: какой-нибудь мрачный, жестокий тиран может принять отказ за личное оскорбление”.

Обвинение Сциллия весьма возмутило и сенат, и самого Нерона. Император велел ускорить решение по делу Сциллия. С этой целью против клеветника выставили обвинение в доносах на многих знатных римлян, результатом которых была смерть обвиненных. Сциллий ссылался на то, что все эти доносы были совершены им по приказанию Клавдия; но Нерон заставил его молчать, сказав, что у него есть доказательства того, что Клавдий никого не преследовал сам. Тогда Сциллий сослался на Мессалину; но и это не помогло. Отчего же, в самом деле, эта женщина выбрала орудием своих интриг именно Сциллия? Общий голос требовал наказания клеветника, и Сциллий был приговорен к лишению части своего имущества и ссылке на Балеарские острова.

Процесс Сциллия произвел, однако, неблагоприятное впечатление на друзей и родных Сенеки. Отовсюду посыпались к нему запросы о степени справедливости обвинений Сциллия. Сенеке пришлось оправдываться. В трактате “О благодеяниях”, который писался как раз в год процесса Сциллия, во многих местах можно видеть оправдания философа. Но всего полнее он изложил свою апологию в письме к старшему брату, Галлиону, озаглавленном “О счастливой жизни”.

“Мне говорят, – пишет он между прочим, – что моя жизнь не согласована с моим учением. В этом в свое время упрекали и

Платона, и Эпикура, и Зенона. Все философы говорят не о том, как они сами живут, но как надо жить. Я говорю о добродетели, а не о себе, и веду борьбу с пороками, в том числе и со своими собственными: когда смогу, буду жить, как должно. Ведь если бы я жил вполне согласно моему учению, кто бы был счастливее меня; но и теперь нет оснований презирать меня за хорошую речь и за сердце, полное чистыми помыслами… Про меня говорят: “Почему он, любя философию, остается богатым? Почему учит, что следует презирать богатства, а сам их накапливает? Презирает жизнь и живет? Презирает болезни и, между тем, очень заботится о сохранении здоровья? Называет изгнание пустяком, однако, если только ему удастся, состарится и умрет на родине?” Но я говорю, что это следует презирать не с тем, чтобы отказаться от всего этого, но чтобы не беспокоиться об этом. Марк Катон, хваля век первобытной бедности, владел состоянием в четыреста миллионов сестерциев (17,5 млн. рублей золотом) и, если бы представился случай еще приумножить свое состояние, не упустил бы его. Мудрец не любит богатства, но предпочитает его бедности; он собирает его не в своей душе, но в своем доме…”. “За что обрекать мудрость на нищету? Мудрец может иметь состояние, но оно не должно быть отнято с пролитием крови ближнего, не должно быть захвачено коварством или грязными процессами. Наконец мудрец лучше других распорядится богатством. Мудрый владеет богатством; невежда же сам во власти его. Мудрый дает богатству полезное назначение, наконец, раздает его. Раздает? Но к чему преждевременно протягивать руки? Мудрый раздает его только добрым”. Отвечая клеветникам, Сенека ставит себя на место Сократа, осмеиваемого Аристофаном. “Он стоит (среди порицателей), как скала, окруженная разъяренными волнами. Яритесь, волны! Он победит вас своим равнодушием. Нападающий на того, кто крепок и возвышен, причиняет боль только самому себе. Вам нравится находить чужие недостатки? Вы считаете чужие царапины, хотя сами сплошь изъедены язвами? Что ж! Указывайте родимые пятна на прекраснейшем теле, а сами оставайтесь покрытыми чесоткой. Упрекайте Платона за то, что он искал денег, Аристотеля за то, что он их принимал! Но… как бы вы были счастливы, если бы вам удалось сравняться с ними, хотя бы в их недостатках!”

В послании к Серену Сенека рассматривает, в какой степени может быть оскорбительна для него клевета Сциллия. Философ доказывает своему другу, что мудреца нельзя ни обидеть, ни оскорбить. “Если кто захочет обидеть мудреца и сделает к тому попытку, то все же обида не коснется мудрого. Обида имеет целью причинить зло; но в мудрости нет места злу, ибо для нее

зло только в пороке, *а* порок не может быть там, где обитает добродетель". Еще менее доступен мудрец для оскорбления. "Насмешки и дерзости, которые говорят дети своему наставнику, никто не считает за оскорбления, но за шалости. Мудрец же относится ко всем людям, как мы относимся к детям". Эти основные положения развиты в послании к Серену с обычным для Сенеки остроумием.

Самым крупным произведением Сенеки в этот период, несомненно, должен считаться его большой трактат "О благодеяниях", посвященный Эбуцию Либералису. В трактате этом рассматриваются различные вопросы о том, как следует принимать и как оказывать благодеяния, начиная с самых мелких подарков. В главе о подарках мы видим даже светского человека, – так остроумно и с таким тактом говорит Сенека о выборе различных подарков, сообразно отношениям и состоянию обменивающихся ими. Из этой главы лица, желающие сделать подарки своим друзьям, еще и сегодня могут почерпнуть общие указания.

Замечательны мысли Сенеки о благодарности как о чувстве, которого нельзя требовать насильно. Сенека учит, что не следует оказывать благодеяния, рассчитывая на благодарность, но что следует их оказывать вполне бескорыстно. Точно так же не следует придавать особого значения нравственным качествам лиц, которым благодетельствуешь: "Дурные люди всегда будут, и отказываться ради них от добродетели не следует". Все эти мысли, ставшие теперь ходячими фразами, в то время отличались совершенной новизною, и распространение их в обществе естественно подготавливало древний Рим к принятию учения Христа.

Но всего замечательнее мысли Сенеки о том, можно ли считать благодеяние, оказанное рабом, за благодеяние. "Многие мыслители различают благодеяние, долг и обязанность; под благодеянием они разумеют то, что дает посторонний, то есть такой человек, которого нельзя было бы упрекнуть, если бы он его не оказал; под долгом – то, что исполняют близкие родные, жена, дети, которые в таких случаях повинуются призыву нравственного долга; под обязанностью то, – что дают рабы, которые всецело принадлежат господину". "Прежде всего, – замечает Сенека, – тот, кто не допускает, чтобы раб мог оказать благодеяние, не признает прав человека. Ибо дело не в том, каково чье-либо общественное положение, но какова нравственная ценность. Раб может быть верен, может быть храбр, может быть великодушен; следовательно, может и оказывать благодеяния, ибо это тоже относится к области добродетели.

Рабы до такой степени могут благодетельствовать господам, что последние часто живут их благодеяниями". Несколько ниже Сенека высказывает еще более смелые для того времени мысли: "Заблуждается тот, кто думает, что рабство захватывает всего человека: лучшая часть его изъята от рабства. Только тело предано и подчинено господину; душа же свободна. Она до того свободна, что не может быть удержана даже ее телесной темницей. Судьба предала господину тело: его он покупает и продает; душа же не может быть отдана в рабство. Итак, господин может принимать благодеяния от раба, как и всякий человек от человека… Почему бы личность человека умаляла значение его поступка, а не поступок облагораживал того, кто его совершил? У всех людей одно происхождение, и все одинаково благородны, поскольку одарены справедливостью и склонностью к хорошим поступкам. Тот, кто выставляет в атриуме статуи предков и выписывает их имена на преддвериях храма, только более известен, а не более благороден, у всех один отец – мир, хотя одни с самого рождения обречены на славную, другие – на безвестную жизнь". Так учил и писал Сенека задолго до водворения христианства в Римской империи. Неудивительно, что почитатели философа хотели в нем видеть тайного христианина и приписывали ему переписку с апостолом Павлом. Значение гуманных воззрений Сенеки высоко ставится даже самыми ярыми его противниками.

ГЛАВА IX

Смерть Агриппины. – Участие Сенеки. – Просьба об отставке. – Донос Романа. – Пожар в Риме. – Попытка отравить Сенеку. – Сто третье письмо к Луцилию

Вскоре после процесса Сциллия началось роковое для Нерона знакомство с Поппеей Сабиной. С этого же дня началось и постепенное падение Сенеки. Старый философ не мог конкурировать во влиянии на императора с молодой и красивой куртизанкой. Но резким переломом, ускорившим окончательное падение философа, является смерть Агриппины, в убийстве которой Нероном играл видную роль и сам Сенека.

Когда план Аницета умертвить Агриппину на распадающемся среди моря корабле не удался, и Агриппина, спасшись от крушения, послала сообщить о своем спасении Нерону в Байи, тот страшно испугался. Нерон ждал, что Агриппина поднимет сенат и войска, объявив всюду о покушении сына на ее жизнь, и кричал, что он погиб, если Сенека и Бурр не придумают чего-либо для его спасения. Тотчас послали за ними и объявили им положение дел. Оба были так поражены случившимся, что долго хранили молчание, не решаясь взглянуть друг на друга. Для всех было ясно, что один из двоих, Нерон или Агриппина, должен погибнуть, но никому не хотелось быть советником в матереубийстве. Наконец Сенека решился поднять глаза на Бурра и спросил его, не распорядится ли он убийством Агриппины через преторианцев? Но Бурр отвечал, что преторианцы слишком привязаны к ее дому, чтут память Германика и не решатся тронуть его дочь; но что Аницет должен выполнить свое обещание. Последний, не колеблясь ни минуты, принял все на себя, и спустя несколько часов Агриппина была убита.

Но роль Сенеки не могла ограничиться этим. Следовало оправдать императора в глазах народа. Нерон удалился в Неаполь и послал оттуда в сенат письмо, написанное Сенекой, в котором обвинял Агриппину в покушении убить его и объяснял, что, когда покушение это не удалось, она сама лишила себя жизни. Далее следовали недостойная клевета на Агриппину. Говорилось, что она хотела захватить власть в свои руки и повелевать войсками. Не достигнув этого, она вооружала императора против самых знатных из граждан. Намекалось также, что и злодеяния, совершенные в царствование Клавдия, были совершены не без ее участия. Словом, в письме этом Сенека старался убедить, что смерть Агриппины была благополучием для государства. Однако,

как ни ненавидели Агриппину, письмо это возмутило большинство римлян. Их ропот был направлен именно против Сенеки, так как замечает Тацит, к преступлениям самого Нерона уже привыкли.

Обстоятельства же дела были таковы, что приходилось выбирать между Агриппиной и Нероном, и это отлично понимал Сенека. Предпочесть Нерона было много причин. Как ни плох был Нерон, все же было лучше иметь императором его, чем женщину с ненасытным честолюбием, разнузданными страстями и без всякого стыда. Сверх того, Сенека был искренне предан Нерону. Сенека обладал мягким, привязчивым сердцем и за двенадцать лет неразлучной жизни с Нероном в качестве наставника успел искренне привязаться к своему воспитаннику и, хоть был о нем дурного мнения, любил его. Решимость Сенеки посоветовать совершить убийство скорее свидетельствует о его нравственной смелости, с какою он принимал на себя совет совершить то, что все равно было неизбежно. Посмертная клевета на Агриппину также была неизбежна, чтобы предотвратить народное движение.

Тем не менее, убийство Агриппины сильно потрясло философа. С этого времени светлый тон покидает его сочинения, и в них все чаще и чаще начинает звучать струна разочарования, которая к концу жизни, как мы увидим, доходит до резкого пессимизма. Вместе с тем Сенека начал мало-помалу удаляться от двора, тем более, что поведение императора не могло вызывать сочувствие, а влияние Сенеки на него ослабевало. Нерон стал выступать публично в роли певца и наездника, что, по тогдашним понятиям, было весьма неприлично. Дион Кассий, а с его слов и немецкие историки, рассказывают, что, когда Нерон выступал таким образом перед публикой, Сенека и Бурр должны были собирать толпу клакеров и, поднимая платья и начиная рукоплескать, подавали знак к овациям. Однако такой рассказ находится в полном противоречии как с тем, что рассказывают Тацит и Светоний, так и с общим характером Сенеки. Отрицать же достоверность показаний Тацита только оттого, что источником при составлении его “Анналов” служили записки одного из знакомых и друзей Сенеки, а источники Диона Кассия неизвестны, вряд ли имеет основание. Тацит рассказывает, что Сенека возбуждал неудовольствие Нерона, открыто порицая выступление императора на подмостках, и сам стал чаще писать стихи, как бы для того, чтобы указать Нерону, какого рода литературные произведения могут быть приличны государственному мужу. С другой стороны, в сочинениях Сенеки постоянно встречается крайне несочувственное отношение к театру, не только к гладиаторским боям, которые он называет

варварством и убийством, но и к трагедии и комедии. Сам тон, которым говорит Сенека о театре, раздраженный, а его собственные трагедии с умыслом написаны так, чтобы их совсем нельзя было ставить на сцене.

Смерть Бурра, последовавшая в 61 году, возвестила окончательное падение Сенеки. Предполагали, что Бурр умер от отравы, посланной ему Нероном. В лице Бурра Сенека лишился последнего своего сотоварища и единомышленника при дворе, и ненавидевшая философа партия подняла голос. Наушники стали клеветать Нерону на Сенеку. Философа обвиняли в том, что он накоплял богатства, ища популярности в народе, что он хотел превзойти самого императора великолепием своих вилл и садов, уверяли, что Сенека имел претензию быть единственным красноречивым оратором своего века, что он стал чаще писать стихи с тех пор, как Нерон предался этому занятию, что Сенека – постоянный враг всяких развлечений цезаря, причем не только отрицает заслуги его в укрощении лошадей, но и смеется над его пением. Сенека хочет уверить, что все хорошие акты царствования принадлежат ему, а между тем Нерон уже не ребенок, и пора ему освободиться из-под надзора педантичного наставника.

Когда Сенеку предупредили об этой клевете и философ заметил охлаждение к себе со стороны Нерона, он попросил аудиенции у императора и, по словам Тацита, сказал ему приблизительно следующее: “Уже четырнадцать лет, цезарь, как я нахожусь при тебе, и уже восьмой год, как ты царствуешь. За это время ты награждал меня столькими почестями и подарками, что они могут назваться безграничными. Сошлюсь на примеры великих императоров, которые были до тебя. Твой прадед Август позволил Агриппе удалиться в Митилены и предоставил Меценату жить в Риме как частному лицу. Один из этих мужей был товарищем Августа на войне, другой помогал ему в управлении государством; оба они получили вознаграждение за свои заслуги. Я, со своей стороны, принес тебе лишь плод моих занятий в тиши уединения, и на них-то выпала славная доля принять участие в образовании твоей юности. Ты за это наградил меня таким богатством, что часто я говорю сам с собой: “Я ли, скромный римский всадник и провинциал по месту рождения, должен считать себя между влиятельнейшими гражданами Рима? Где тот разум, который советовал мне довольствоваться малым? В каких садах я гуляю, какие у меня роскошные виллы, какие обширные поля и какие громадные доходы!” Только одним могу я оправдываться, что я не должен был мешать проявлениям твоей щедрости. Но мы оба достигли предела: ты дал мне столько,

сколько может дать цезарь своему другу, и я получил, сколько только может получить друг от своего цезаря. Такое богатство возбуждает зависть; зависть, конечно, как и все смертное, не опасна тебе, но для меня она тяжела, и мне надо подумать о себе. Как усталый путник или воин просит подкрепления, так и я на этом жизненном пути оказываюсь неспособным вынести бремя мелких забот о моем богатстве и прошу твоей помощи. Прими его обратно и прикажи управлять им своим чиновникам. Не обращаясь к бедности, я хочу только отказаться от избытка богатства, который обременяет меня, а сам я удалюсь на покой и то время, которое отнимают у меня мои дворцы и виллы, посвящу отвлеченным занятиям. Тебе достаточно твоего опыта в управлениях государством. Пусть старые люди умирают на покое. Тебе же послужит на славу то, что ты умел даровать высшее богатство людям, которые могут жить и без него".

Нерон возражал Сенеке. Он уверял философа, что тот еще необходим ему, чтобы удерживать от опасных увлечений молодости и помогать своими советами в управлении государством. Что же касается богатства Сенеки, то Нерон только может стыдиться того, что его вольноотпущенники богаче, чем Сенека. Если б он принял обратно богатства Сенеки и отпустил его, то говорили бы, что философ боится жадности и скупости императора. И неужели достойно мудреца искать славы, унижая своих друзей? В заключение аудиенции Нерон обнял и поцеловал Сенеку, скрывая, как замечает Тацит, разгоревшуюся в нем ненависть под вероломной лаской. Сенеке осталось только благодарить властителя, однако он все-таки стал избегать показываться при дворе и даже реже ездил в Рим, ссылаясь на нездоровье или на занятия философией.

Время от времени, однако, имя Сенеки при дворе произносилось. Враги его не могли успокоиться, пока он был жив, и доносы повторялись. Так, вскоре по удалении Сенеки от двора некто Роман обвинил его вместе с Пизоном в заговоре против Нерона. На этот раз Сенеке удалось отвести от себя подозрение и обратить его на самого доносчика.

Некоторое время спустя у Поппеи родилась дочь. По случаю благополучных родов был устроен целый ряд празднеств. Весь сенат собрался, чтобы поздравить любовницу императора; один гордый Тразея, рискуя возбудить против себя преследование, не явился. Однако под влиянием Сенеки Нерон не только не преследовал его, но, при следующей встрече с философом, заявил, что помирился с Тразеей. Сенека поздравил Нерона.

После знаменитого римского пожара Сенека пожертвовал пострадавшим значительную часть своего состояния; однако, так

как с целью отстроить Рим принялись истощать средства других городов Италии и провинций, причем грабили преимущественно храмы и даже похищали статуи богов, Сенека, чтобы отклонить от себя народную злобу за участие в святотатстве, просил у Нерона разрешения уехать в отдаленное поместье. Когда же ему было в этом отказано, он сослался на нервную болезнь и не выходил из дому, не принимая и у себя никого. Это вызвало у Нерона подозрение, и он приказал вольноотпущеннику Клеонику отравить Сенеку. Покушение это не увенчалось успехом, так как Сенека уже давно вел образ жизни, достойный стоического философа, питался только овощами и пил ключевую воду.

Не это ли последнее злодеяние Нерона вызвало полное горечи сто третье письмо к Луцилию: “Каждый день, – пишет своему другу философ, – жди опасности со стороны людей. Укрепись против нее и будь осторожен и внимателен. Никакое бедствие не случается так часто, не поражает так неожиданно, не подкрадывается так незаметно. Прежде чем налетит буря, гремит гром. В строениях, прежде чем они рушатся, слышен треск. Пожар возвещается дымом. Опасность же со стороны людей наступает внезапно, и чем она ближе, тем тщательнее скрыта. Ты горько ошибаешься, если веришь выражению лиц людей, приближающихся к тебе. У них внешность людей, но души звериные. Но и звери страшны лишь в первый момент встречи, а раз он миновал, они не тронут, ибо только нужда заставляет их нападать и только голод или страх вовлекает в битву. Человеку же доставляет наслаждение губить ближнего.

Итак, помни всегда об опасности, угрожающей тебе со стороны людей; но помни также и то, в чем состоят твои обязанности по отношению к людям. Остерегайся их, чтобы они не вредили тебе, но не вреди им сам. Радуйся удаче ближнего, сочувствуй его горю и помни, чего должен ты опасаться и какие чувства должен выказывать сам. Поступая так, ты достигнешь если не того, что тебе не будут вредить, то хотя бы того, что ты не будешь обманут.

Насколько можешь, ищи убежища в философии. Она скроет тебя в своих объятиях. В ее святилище ты безопаснее, чем где-либо. Но не гордись ею: для многих, кто самодовольно и гордо рисовался ею, она послужила источником бедствий. Исправляй с ее помощью свои пороки, но не уличай чужих. Не уклоняйся от общепринятых обычаев, чтобы не казалось, что ты осуждаешь то, чего не делаешь. Можно быть мудрым, не величаясь и не возбуждая к себе зависти”.

ГЛАВА X

Умеренный образ жизни Сенеки. – Изучение философии Эпикура. – Письма к Луцилию. – Мысли о смерти

Удалившись от двора, Сенека вел жизнь еще более уединенную, чем прежде. И раньше он был рад празднествам и играм, потому что они отвлекали всех его знакомых и просителей, и он мог спокойно заниматься в своем кабинете, не опасаясь, что ежеминутно занавес в дверях будет подниматься и впускать посетителей. Теперь он почти никого не принимал. Сенека почти не жил в Риме. Он жил постоянно в своей загородной вилле, иногда посещая более удаленные свои имения, но положительно избегал жить в городах. Его нервы были утомлены и не выдерживали уличного шума. Посетивши как-то Байи – модное купальное место римских дам, – он бежал оттуда на другой же день, до того несносен был ему крик торговцев, плеск купающихся и вид увеселительных поездов, с пением плававших по заливу. В своих переездах Сенека, как и в частной жизни, избегал всякой торжественности. В то время этикет требовал, чтобы вельможа ехал не иначе, как в сопровождении целого обоза разной клади, с толпой дворни и прислуги, и чтобы впереди ехали всадники, преимущественно из восточных невольников, возвещавшие проезд вельможи и приготовлявшие ему ночлег и отдых. Всего этого Сенека избегал. Он ездил в сопровождении немногих рабов в открытом экипаже и во время путешествия читал. Он никогда не предупреждал о своем приезде заранее, и поэтому случалось, что на виллах не были готовы к его встрече: ему приходилось ложиться спать не поужинавши и на плохо убранной постели. Философ, хотя и требовал от своих рабов строгого порядка, относился к таким случайностям весьма благодушно. Иногда он совершал свои поездки морем, впрочем, сравнительно редко, так как жестоко страдал от морской болезни и однажды даже должен был высадиться на полпути от Пуццоли к Партенопее. К старости болезни Сенеки усилились; особенно он страдал от астмы, которую называл даже предвестьем смерти.

Его постоянным обществом были жена, врач и немногие друзья. Зато тем увлеченнее Сенека предавался занятиям философией. Никогда из-под его пера не выходило столько сочинений, как в последние четыре года жизни. Это были и мелкие послания к друзьям, упрекавшим его за уклонение от общественных обязанностей (например, трактат “О покое”, посвященный Серену), и более обширные сочинения по

нравственным вопросам (не сохранившийся большой трактат по нравственной философии, о котором неоднократно упоминается в письмах к Луцилию), и сочинения по естествознанию. Сенека не только много писал в это время; он также много читал и продолжал свое философское образование, посещал, между прочим, лекции заезжих греческих философов, хотя сомнительно, чтобы он мог чему-либо у них научиться. В последние же годы своей жизни Сенека познакомился во всей полноте и с учением эпикурейцев. В первых письмах к Луцилию он сообщает о том интересе, какой доставляет ему чтение писателей “враждебного лагеря”, восхищается отдельными их мнениями и признает их истинно философскими. Послание к Серену “О неуязвимости мудреца” даже начинается похвальным словом Эпикуру. Вообще Сенека не отличался сектантской нетерпимостью и охотно признавал хорошие стороны в своих противниках.

В последние годы своей жизни, на досуге, Сенека пересмотрел свои юношеские опыты и корсиканские наблюдения по естествознанию, дополнил их новыми наблюдениями и данными и издал свои “Естественноисторические вопросы”, представляющие оригинальную смесь фактических сведений и гипотез о различных явлениях природы с отступлениями нравственно-философского характера. Но хоть “Естественноисторические вопросы” и не представляют такого обилия материала, как сочинение Плиния, однако как литературное произведение оно неизмеримо выше “Естественной Истории” последнего.

Самым крупным произведением Сенеки за это время считаются его “Моральные письма к Луцилию”. Письма эти – действительно результат живого обмена мыслей с другом путем переписки, а не только особая литературная форма сочинения. В этом убеждают находящиеся в них ответы на вопросы, возбуждаемые Луцилием, местами попадаются упреки в промедлении с ответом или оправдания в собственной медленности, порой рассказываются мелкие домашние происшествия, упоминается о поездках Сенеки по виллам или по городам. Но что весьма замечательно, содержание писем всегда носит отвлеченно-философский характер. Мы в наших письмах сообщаем друзьям о домашних делах, о городских слухах, передаем сплетни; ничего подобного нет в письмах Сенеки. Он писал прокуратору Сицилии, провинциалу, из Рима, почти из дворца, иногда тотчас после свидания с Нероном. И однако об императоре почти нет упоминаний, об административных новостях и слухах нигде не упоминается ни словом. Сенека всей душою ушел в философию. Все остальные дела казались ему

скучной обязанностью, излишним бременем в жизни. Он разочаровался в своей политической деятельности: в конце его придворной жизни ему приходилось поступать часто не только против желания, но и против совести. С этого времени истинное свое назначение он видел в философии. Аннею Серену, упрекавшему Сенеку за охлаждение к государственным делам, Сенека писал: “Эпикур учит, что мудрец может заниматься общественными делами, если этого требует их важность; Зенон же находит, что мудрец должен ими заниматься, если только не будет к тому особо важных препятствий; но и Зенон, и Хризипп гораздо более оказали услуг человечеству, живя в стороне от дел, чем если бы они занимались военным делом или управлением государством”. Во многих письмах к Луцилию Сенека доказывает, что занятия философией должно ставить выше всего, а в одном из них заявляет, что теперь он занят самым важным делом: он занимается делами всего потомства, сохраняя для него идеалы нравственной философии.

Мотивами писем к Луцилию служили вычитанные у других писателей, преимущественно эпикурейцев, мысли, случайные события в жизни самого Сенеки или его друзей. По поводу посещения театра Сенека рассуждает о вреде толпы для философа; пожар Лиона послужил поводом к рассуждению о том, что следует быть готовым к превратностям судьбы; посещение виллы, пришедшей в ветхость, – к рассуждению о преимуществах старости; праздник сатурналий – к проповеди умеренности и бедности и т. п. Сенека, как никто, умел философствовать по поводу какого-либо случая; недаром Квинтилиан замечал, что в философских сочинениях Сенеки слышится порой оратор. Форма сочинений Сенеки и особенно его писем в высшей степени изящна и проста. Сравнения его всегда необыкновенно метки, порою остроумны, порою поэтичны. Язык сжатый, образный и до того переполнен глубокомысленными афоризмами, что читать сочинения Сенеки сразу в большом количестве весьма утомительно. Его сочинения вызывают такой наплыв мыслей, что их нельзя читать бегло, но необходимо перечитывать по несколько раз. Это уменье так сжато и так метко выражать свои мысли особенно драгоценно в нравственной философии, где, если не выводится общей системы нравственности из основных положений, чего и нет у Сенеки, необходимо именно уменье высказать практически нравственную мысль, смутно чувствующуюся каждым, в такой форме, чтобы она сейчас же нашла отзвук в сердце читателя.

Как философ Сенека принадлежит к стоической школе, но мягкость его собственного характера и долгое изучение

эпикурейцев смягчили крайности этой школы. И трудно сказать, что больше пленяет в философии Сенеки: возвышенность и даже некоторая суровость его идеалов, или гуманность и теплота при разборе человеческих чувств.

Как стоик Сенека бичует порок и призывает читателя к твердости, самообладанию и презрению к жизни. Но он не гонит живого чувства дружбы и любви и не находит слезы и сокрушения после утраты любимого человека – что он считает величайшим бедствием жизни – постыдною слабостью, лишь бы эти слезы были искренни и умеренны. Сенека проповедует бедность, но он не против богатства, лишь бы любостяжание не являлось душевною язвой, разъедающей нравственность, а отсутствие богатства не заставляло страдать до забвения высших интересов.

Как римлянин Сенека ценил храбрость и военную доблесть, но как философ он был миролюбив, и военное честолюбие Александра Македонского вызывает его строгие порицания.

Переписка Сенеки с Луцилием началась с 60 года и длилась до конца жизни философа (65 г.). Сперва переписка была оживленной, и, пока Сенека изучал Эпикура, он успел написать своему другу и ученику около тридцати писем. Эти первые письма короче последующих; каждое из них заключается афоризмом, вычитанным у какого-либо из философов-эпикурейцев, но по духу достойным назваться общефилософским. Эти афоризмы Сенека называет “ежедневными подарками” Луцилию и шутит, говоря, что он избаловал своего корреспондента, так что к нему нельзя являться иначе, как с подарком. Последующие письма длиннее, отвлеченнее и носят характер небольших философских этюдов. В самых последних письмах начинают слышаться разочарование, усталость и пессимизм, доходящие в сто третьем и сто пятом письмах (всего их было 124) до столь резких тонов мизантропии, что им мог бы позавидовать сам Шопенгауэр.

Что касается содержания писем к Луцилию, то это целый курс нравственной философии. Особенно подробно разработаны те ее вопросы, которые считаются наиболее важными у стоиков. Так, в письмах много говорится о бедности, о свободе воли, о борьбе с превратностями судьбы, о бессмертии души, о дружбе, но всего подробнее и всего больше говорится о смерти, о том, как следует встречать собственную смерть и как относиться к смерти близких людей.

Эти страницы писем к Луцилию тем более драгоценны, что впоследствии философ собственною смертью доказал, что его проповедь была не пустыми словами, но искренним убеждением сердца, сознательно проведенным в жизнь. Сенека является

настоящим учителем смерти.

Мы приведем здесь главнейшие мысли Сенеки о смерти как для того, чтобы познакомить читателя с искусством философа выражать свою мысль в сжатых, но законченных афоризмах, так и потому, что звучащий в этих мыслях пессимизм есть конечный результат всех впечатлений, вынесенных им из его долгой, разнообразной и блестящей жизни.

В *смерти нет страдания,* – учит философ. "Причина страха смерти кроется не в самой смерти, **но в умирающем. В смерти нет более тягостного, чем после смерти. Но ведь так же безумно бояться того, чего не испытаешь, как и того, чего не почувствуешь. А разве можно чувствовать то, через что совсем перестанешь чувствовать?" (письмо 30). "Приходит смерть: ее можно бы бояться, если бы она осталась с тобою. Но она неизбежно или не наступит, или свершится" (письмо 4). "В смерти нет страдания: ведь необходимо, чтобы был субъект, испытывающий его" (письмо 36).**

Смерть не должна быть страшна, потому что мы уже знаем ее: **"Уже потому что ты родился, ты должен умереть" (письмо 4). "Мы испытывали смерть до нашего рождения: ведь смерть – это небытие; каково оно, мы уже знаем. После нас будет то же, что было до нас. Если в смерти есть какая-либо мука, очевидно, она была уже и раньше, чем мы явились на свет. Но тогда мы не чувствовали никаких страданий. Скажу так: не нелепо ли думать, что светильнику хуже после того, как его погасят, чем до того, как его зажгут. Мы тоже загораемся и гаснем. В этот промежуток времени мы испытываем некоторое страдание. Вне его по обе стороны должен быть полный покой. Вся ошибка в том, что мы думаем, будто смерть только последует за жизнью, тогда как она и предшествовала ей" (письмо 54).**

Смерть неизбежна, а потому мы не должны ее бояться: **"Мы боимся не смерти, но мысли о смерти, потому-то от смерти мы всегда одинаково далеки. Итак, если смерти бояться, ее следует бояться постоянно; ибо какой же час изъят от ее власти?" (письмо 30). "Часто мы должны умереть, и не хотим; умираем и все-таки не хотим. Конечно, все знают, что когда-нибудь придется умереть, однако когда наступает час смерти, прячутся от нее, дрожат и плачут. Но разве не нелепо плакать о том, что не жил тысячу лет тому назад? И одинаково нелепо плакать и о том, что не будешь жить тысячу лет спустя. Ведь это одно и то же. Не было и не будет" (письмо 77). "Мы недовольны судьбой, но что справедливее: чтобы мы подчинялись законам природы или чтобы она**

подчинялась нам? А если так, не все ли равно, когда ты умрешь, коль ты в любом случае должен умереть. Надо заботиться не о том, чтобы долго жить, но чтобы жить достаточно" (письмо 93).

Смерть есть явление справедливое: **"Неблагоразумно печалиться, во-первых, потому, что печалью ничему не поможешь; во-вторых, несправедливо жаловаться на то, что теперь случилось с одним, но ожидает и всех других; в-третьих, нелепо грустить, когда и тот, кто теперь скорбит, сам скоро последует за оплакиваемыми" (письмо 99).**

Смерть не есть уничтожение, но только видоизменение: **"Все кончается, ничего не гибнет. И смерть, которой мы так боимся и ненавидим, только видоизменяет жизнь, а не отнимает ее. Наступит день, когда мы снова выйдем на свет, и как знать, быть может, многие не захотели бы этого, если бы не забыли о прежней жизни!" (письмо 36).**

Смерть есть избавление от жизненных невзгод: **"Безразлично, когда умереть – рано или поздно. Кто живет – во власти судьбы; кто не боится смерти, – избежал ее власти" (письмо 70). "Так близка свобода, и все-таки есть рабы! Знай, что если ты не хочешь, ты должен будешь умереть. Так сделай своим то, что в чужой власти" (письмо 77). "Величайшее благо жизни в том, что есть смерть. Важно жить хорошо, а не долго. Часто даже все благо в том, чтобы не долго жить (письмо 101). "Кто умер, не чувствует страданий" (письмо 99). "Если обращать внимание на горести, то жизнь долга даже для отрока; если же на скоротечность, – она коротка и для старца". "Кто рано кончил путь жизни – счастлив, ибо жизнь не есть благо или зло сама по себе, но только арена для блага и зла" (письмо 99).**

В жизни нет ничего, что привязывало бы к ней: **"Что заставляет жить? Наслаждения? Но ты ими пресыщен. Ты все перепробовал в жизни. Чего – тебе жаль? Друзей и родины? Но разве ты ценишь их хотя бы во столько, чтобы ради них позднее поужинать? Тебе жаль покинуть мясной рынок… Ты боишься смерти, но разве твоя жизнь не есть сама смерть? Но, возразят мне, мы хотим жить, потому что живем праведно; мы не хотим бросать наши обязанности, которые налагает на нас жизнь, так как мы отправляем их хорошо и искусно. Как? Вы не знаете, что одна из обязанностей, налагаемых жизнью, состоит в смерти. К тому же вы не оставите ни одной из ваших обязанностей: ведь число их неопределенно. Совершенно все равно, когда кончишь жизнь, лишь бы кончить ее хорошо" (письмо 77). "Чтобы равнодушнее**

смотреть на жизнь и смерть, думай каждый день о том, сколь многие цепляются за жизнь совершенно так, как цепляются за колючие тернии утопающие в быстром течении реки. Сколь многие колеблются между страхом смерти и мучением жизни: и жить не хотят, и умереть не умеют" (письмо 4).

Сенека, как и другие философы стоической школы, научая презирать смерть, советовал в иных случаях прибегать к самоубийству. В письмах к Луцилию есть целый ряд примеров мужественного самоубийства, исторических или из современных Сенеке городских происшествий. Сенека восхищается упорством, с каким самоубийцы преследовали свою цель. Но особенно характерен рассказ Сенеки о самоубийстве некоего Марцеллина, решившегося на него вследствие неизлечимой, хотя не опасной болезни. "Разделив свое имущество между друзьями и наградив рабов, Марцеллин умер, не прибегая ни к мечу, ни к яду: в течение трех дней он ничего не ел и приказал раскинуть в своей спальне шатер. Там он поставил ванну и в ней подолгу сидел, все подливая теплой воды, и таким образом мало-помалу совершенно истощал свои силы, притом, как он сам говорил, не без известного наслаждения, вроде того, какое доставляет легкое головокружение, когда душа покидает тело".

Замечательно, что смерть, которую избрал себе Сенека, как мы сейчас увидим, несколько напоминает смерть Марцеллина.

ГЛАВА XI

Заговор Пизона. – Смерть Сенеки

Видя в Сенеке немой протест своему поведению, Нерон не мог не ненавидеть его. То же обстоятельство, что некогда он был многим обязан философу, тем более заставляло желать смерти Сенеки, а так как Нерон не привык дожидаться естественной смерти тех, кого он не желал видеть живыми, то он и воспользовался первым случаем, чтобы погубить Сенеку. Случай скоро представился, так как придворные льстецы, зная, сколь ненавистен Нерону философ, не замедлили обвинить Сенеку в участии в неудавшемся заговоре Пизона против императора (это тот самый Пизон, на которого доносил раньше Роман).

Последние дни жизни Сенеки, с момента его обвинения и до смерти, так художественно описаны у Тацита, что мы позволяем себе воспроизвести здесь, с необходимыми лишь замечаниями, рассказ историка.

“Наконец наступила очередь умереть и Аннею Сенеке. Смерть его была особенно приятна императору, не потому, впрочем, чтобы было доказано участие Сенеки в заговоре, но потому, что она давала повод совершить при помощи меча то, что не удалось сделать при помощи яда. Для обвинения Сенеки достаточно было слов Наталиса (доносчика, раскрывшего заговор Пизона), что Пизон посылал его к Сенеке во время болезни, чтобы спросить его, почему Сенека не хотел принять Пизона, и предложить Сенеке поддерживать дружбу с Пизоном более частыми свиданиями. Сенека ответил на это, что частые разговоры и свидания между ними он не находит полезными для обоих, но что вообще он связывает свое спасение с безопасностью Пизона. Один из трибунов стражи, Граний Сильван, был тотчас же послан к Сенеке спросить, происходил ли в действительности между ним и Наталисом такой разговор. Сенека в это время случайно или с умыслом только что приехал из Кампании и остановился в одной из своих загородных вилл, верстах в четырех от Рима. Трибун приехал на виллу к вечеру, велел солдатам окружить ее и, застав Сенеку за ужином вместе с его женою, Помпеею Паулиною, и двумя друзьями, передал ему приказание императора.

Сенека отвечал, что Наталис действительно приходил к нему от имени Пизона спросить, почему он не принимал его, и что он ссылался на нездоровье и потребность в покое, но что он, Сенека, не имел никаких причин предпочитать спасение частного человека собственной безопасности, что лесть совсем не в его

натуре и что это лучше всего известно самому Нерону, который гораздо чаще имел случай испытать свободомыслие Сенеки, чем его услужливость. Трибун сообщил эти слова Сенеки императору в присутствии Поппеи и Тигеллина, советчиков Нерона в его зверствах. Тот спросил трибуна, готовится ли Сенека к добровольной смерти. Но трибун ответил, что он не мог уловить ни тени страха или печали ни в речах, ни в лице философа. На это последовал приказ вернуться на виллу с приказом умереть. Историк Фабий Рустик сообщает, что Сильван вернулся не по старой дороге, но заехал сперва к Фению Руфу (префекту, главному начальнику стражи) и спросил, должен ли он повиноваться приказаниям цезаря; но Фений Руф, объятый общим малодушием, посоветовал исполнить то, что приказано. Сильван же сам был в числе заговорщиков и увеличивал свои преступления тем, что разносил мщение цезаря соучастникам. Однако сам он не имел храбрости еще раз видеть Сенеку и говорить с ним и послал к нему одного из центурионов возвестить смерть.

Сенека, нисколько не смутившись, потребовал таблички для составления завещания. Когда же центурион отказал ему в этом, он обратился к своим друзьям со следующей речью: “Коль мне запрещено отблагодарить вас подарками, завещаю вам единственное, что мне осталось, но вместе и самое драгоценное – мой образ жизни.

Если вы будете помнить то, что было хорошего в моей жизни, то ваше постоянство в дружбе будет для вас источником вечной славы”. Друзья Сенеки залились слезами; он успокаивал их и призывал к мужеству ласково, но с некоторою суровостью, говоря: “Зачем же были наши уроки мудрости? Где же ваш разум, в течение стольких лет мужественно приучавшийся переносить превратности судьбы? Разве жестокость Нерона еще кому-нибудь неизвестна? И кого же еще оставалось убить императору после того, как он убил свою мать и своего брата, как не прежнего воспитателя и наставника?”

Говоря таким образом, обращаясь ко всем присутствующим, Сенека обнял свою жену и, немного растроганный зрелищем собственного несчастья, стал уговаривать ее утешиться в печали и не считать ее безграничной, но искать себе утешения в созерцании добродетельной жизни своего мужа. Паулина возражала, что и она хочет умереть вместе с мужем, и требовала, чтобы ее пронзили мечом. Сенека не хотел отнимать у нее этой славы, а также опасался, чтобы жена его, оставшись без поддержки, не подверглась худшим оскорблениям. Поэтому он сказал ей: “Я указывал тебе на утешения, какие может дать жизнь;

но ты предпочитаешь умереть. Я не буду противиться. Умрем же вместе с одинаковым мужеством, но ты с большею славою". После этих слов оба вскрыли себе жилы на руках. У Сенеки, истощенного старостью и строгим образом жизни, кровь вытекала очень медленно; чтобы ускорить ее истечение, он приказал открыть жилы также на ногах и на коленях. Утомленный жестокою болью и боясь смутить свою жену видом своих мучений, а также и сам опасаясь мучения при виде ее страданий, Сенека велел перенести себя в другую комнату. Там он с красноречием, не покинувшим его даже в последний момент, призвал писцов, диктовал им многое, чего я, однако, не решаюсь повторить здесь.

Нерон не имел никакой личной ненависти против Паулины и, боясь упреков в излишней жестокости, приказал спасти ее. По настояниям воинов, рабы и вольноотпущенники перевязали ей жилы и остановили кровь, неизвестно, впрочем, с ее ли согласия. Ибо, так как в обществе склонны верить только дурному, то были и такие, которые уверяли, что пока она боялась жестокости

Нерона, она искала славы умереть вместе с мужем, когда же ей была подана надежда на его милость, в ней проснулось желание жить. После этого она прожила еще несколько лет, храня уважение к памяти мужа; но бледность ее лица и членов доказывала, что она потеряла очень много крови. Между тем Сенека, так как истечение крови у него шло медленно и смерть не наступала, попросил Стация Аннея, своего друга и опытного врача, дать ему яд, приготовленный на всякий случай заранее. Это был тот яд, которым афиняне отравляли осужденных на смерть. Сенека принял, но напрасно, так как тело его уже похолодело, и яд не производил своего действия. Тогда он вошел в горячую ванну и, обрызгав водою окружавших его рабов, сказал, что это – возлияние Юпитеру Освободителю. В ванне он задохнулся от горячих паров. Его тело было вынуто из нее и предано сожжению без всяких торжественных обрядов. Так завещал он незадолго перед смертью. Завещание это было найдено среди его рукописей.

В Риме по поводу смерти Сенеки говорили, что Субрий Флавий со своими центурионами тайно решили, не без ведома самого философа, что в случае, если бы заговор Пизона удался и Нерон был убит, власть должна перейти к Сенеке как к человеку, призываемому на престол блеском его добродетелей. Приводилась даже фраза Субрия, что немного выиграл бы Рим, если бы вместо гитариста вступил на престол комедиант. В этих словах был намек на то, что как Нерон выступал публично в качестве певца под аккомпанемент гитары, так Пизон выступал в качестве трагического актера…".

Сенека умер в апреле 65 года.

ГЛАВА XII

Сенека как государственный деятель, человек и писатель. – Сходство его идей с христианскими. – Отношения к Сенеке первых христианских писателей, романских и германских историков. – Русские переводы сочинений Сенеки

В истории и литературе значение Сенеки замечательно в трех качествах – он интересен как государственный деятель, как человек и как писатель.

Государственная деятельность Сенеки стала всецело достоянием истории. Она не была яркой; с его именем не связано никаких социальных или экономических реформ; живя при дворе тирана, Сенека ограничивался скорее пассивной ролью, сдерживая дурные порывы Нерона; малейшая самостоятельность Сенеки возбудила бы подозрение в императоре и преждевременную отставку, если не смерть. Но государственная деятельность Сенеки была весьма благотворна. Всего лучше она оценена приведенным выше отзывом Траяна, что редкий император превосходил Нерона в первые пять лет его царствования, и желанием Субрия Флавия возвести на престол Сенеку. И действительно, все заслуги начала Неронова царствования должны быть всецело отнесены на счет Сенеки.

Как человек Сенека отличался цельностью и полнотой. Ему были доступны почти все человеческие чувства: оттого, между прочим, его сочинения по нравственной философии и производят такое впечатление на читателя. Пылкий и увлекающийся смолоду, Сенека был не чужд даже далеко не философских чувств. В своем трактате “О спокойствии душевном”, посвященном Серену, Сенека открыто сознается, что порочные стремления порою обуревают его. “Они подстерегают меня, чтобы захватить меня врасплох, наподобие врагов, с которыми нельзя воевать ни открытым оружием, как в бою, ни жить в покое, как в мирное время. Я воздержан, одеваюсь скромно, веду трезвую жизнь, но порою зрелище богатства и роскоши прельщает меня; я отхожу от него, хотя не с завистью, но с грустью в сердце; мне приходит на мысль, не есть ли этот дворец, из которого я выхожу, истинным обиталищем счастья. Я не испытываю морских бурь, но постоянно страдаю от морской болезни: я не болен, но я не чувствую себя здоровым”. Упорной работой над самим собой, самовоспитанием Сенека к старости достиг полного бесстрастия. Но это не было холодным бесстрастием отжившего свой век старика, проповедующего умеренность и воздержание только

потому, что уже сам не в силах вести роскошную жизнь, но убеждение сердца, положившего свои идеалы и свои вкусы в отвлеченном и добродетельном образе жизни. Искреннее участие и отзывчивость по отношению к друзьям, и в особенности нежная предупредительность к жене, подтверждают, что до глубокой старости Сенека сохранил чуткими самые нежные струны своего сердца.

В своей деятельности Сенека не был фанатиком. Он не посвящал своей жизни определенной идее; но именно мягкость его характера делала его особенно обаятельным для современников, гармонически дополняя несколько суровое величие его стоической проповеди и вполне согласной с нею жизни, а главное – смерти. В римской истории Сенека всегда будет ярким, светлым лучом на темном фоне разврата и продажности эпохи императоров. Наш поэт А. Майков имел полное право вложить в уста Сенеки следующие прекрасные стихи:

Творец мне разум строгий дал,
Чтоб я вселенную изведал,
И что в себе и в ней познал, —
В науку б поздним внукам предал.
Послал он в встречу злобу мне,
Разврат чудовищный и гнусный,
Чтоб я, как дуб на вышине,
Средь бурь окреп в борьбе искусной,
Чтоб в массе подвигов и дел
Я образ свой запечатлел…
Я все свершил. Мой образ вылит.
Еще резца последний взмах,
И гордо встанет он в веках.

Личность Сенеки вполне подходит под его собственное определение тех великих людей, которые живут и по смерти памятью о своих делах и жизни.

Но еще важнее для нас значение Сенеки-писателя. Прежде всего, поражают необыкновенная его плодовитость и разносторонность. До нас не дошло и трети всех сочинений философа; но то, что дошло, занимает три тома мелкой печати и том трагедий. Кроме философских трактатов, Сенека писал естественноисторические исследования, сочинения по виноградарству, по географии (описание Индии и Египта) и, наконец, стихи. Эрудиция Сенеки поразительна. Форма его философских сочинений по ясности изложения составляет

приятный контраст с мелочной придирчивостью и игрою слов греческих писателей и туманным изложением немецких философов. Немало также подкупает в его пользу его искренний тон. Квинтилиан сообщает, что его манера писать так нравилась римской молодежи, что она не хотела читать других писателей. Сам Тацит отчасти подражает его слогу. Идеи Сенеки всегда высоко гуманны и отличаются глубиной и знанием человеческого сердца. Выше мы приводили его гуманные взгляды на рабов – можно бы привести множество выписок, где он говорит о прощении врагам, о преданной любви к ближнему. Сенека является одним из убежденнейших в бессмертии души писателей. В письмах к Луцилию есть одно место, из которого можно видеть, что у Сенеки понятия о Божестве и о Святом Духе были почти тождественны христианским. Вот это место:

“Бог близок к тебе; Он с тобою; Он в тебе. Да, о Луцилий, это так: в нас обитает Святой Дух, блюститель и страж всякого блага и зла внутри нас… Никто не может быть хорошим без Бога: кто может стать выше судьбы без его помощи? Только Бог подает нам прекрасные и возвышенные советы. В каждом доблестном муже

Бог обитает, хотя неизвестно какой.

Если тебе случалось попасть в рощу из старых деревьев, переросших свою обычную вышину и в которой небо скрыто сенью переплетающихся между собою ветвей, то строгая таинственность этого места и восхищение перед такой густой и непроницаемой сенью, наверное, располагали тебя к вере в божество… И если ты встретишь человека, остающегося бесстрашным среди опасностей, чуждого страстей, счастливого в самых бедственных обстоятельствах, относящегося к людям как высший и к богам как равный, разве не охватит тебя благоговение перед ним? Разве ты не подумаешь о нем, что это существо высшее и не может быть подобно тому жалкому телу, в котором обитаешь. На него снизошел Дух Божий… Как лучи солнца достигают земли, но постоянно находятся там, откуда посылаются, так и великий Святой Дух, снизошедший на такого человека, чтобы мы легче могли познать Божество, хотя и живет среди нас, но тяготеет к своему источнику”.

Неудивительно, что Тертуллиан находил в сочинениях Сенеки много христианских мыслей. Позднее Лактанций, сделав несколько выписок из Сенеки, замечает, что невозможно даже христианину более истинно говорить о Боге, чем писал о нем Сенека. Святой Иероним прямо причисляет Сенеку к числу христианских писателей и вносит его в список святых, ссылаясь на ходившую тогда в обществе переписку Сенеки с апостолом Павлом. О переписке этой упоминает также и блаженный

Августин, а в средние века Сенеку цитировали на соборах. При ближайшем рассмотрении, впрочем, оказалось, что упомянутая переписка – только плод школьных упражнений средневекового писателя, умевшего подделаться под стиль Сенеки. Тем не менее, интерес и уважение к Сенеке никогда не угасали и не уменьшались у западных писателей.

Наряду с такой славой и восхвалением шла, впрочем, и реакция. Квинтилиан критически относился к слогу Сенеки, находя в нем признаки упадка истинного красноречия; Дион Кассий, или, вернее, византийский монах Ксифилин, в изложении которого дошла до нас эта часть истории Диона Кассия, подверг порицаниям общественную деятельность и нравственный облик философа. Дидро, которому принадлежит до сих пор лучшая монография о Сенеке, объясняет нападки Ксифилина тем, что он как представитель восточной церкви хотел унизить писателя, причисленного западною церковью чуть не к лику святых. Сверх того, Дион Кассий по своим политическим убеждениям считал высшей государственной формой абсолютную монархию. В сочинениях же Сенеки, да и в его общественной деятельности, высказывается много симпатий к республиканским формам.

Такое двоякое отношение к Сенеке продолжается и до сего времени. Большинство романских писателей восхищается Сенекой и как личностью, и как писателем и являются его более или менее страстными апологетами до того, что порой стараются отрицать некрасивые, но несомненные факты жизни Сенеки, например, его участие в убиении Агриппины. Большинство германских писателей старается всячески загрязнить личность Сенеки, и с этой целью не только повторяет все клеветы Ксифилина, не желая совсем принимать более достоверные и благоприятные свидетельства Тацита, но идет гораздо дальше и выставляет Сенеку или ничтожною в нравственном отношении личностью, или честолюбцем и корыстолюбцем, не останавливавшимся ни перед чем ради удовлетворения своих низменных страстей.

Таково же отношение к Сенеке и бесчисленных романистов, описывавших эпоху царствования Нерона. Даже такой точный и беспристрастный писатель, как Фаррар, в своем романе “Тьма и рассвет”, написанном с соблюдением самой строгой исторической истины, дает весьма неблагоприятную характеристику Сенеки.

Такое странное разделение в мнениях романских и германских писателей, вероятно, следует объяснить или неспособностью германского духа понять романскую добродетель и романский душевный склад, или различием в религиозных и политических идеалах.

Что касается русских писателей, то за исключением А. Майкова они мало занимались стоическим философом. Однако в первую четверть нынешнего столетия Сенеку много переводили, преимущественно в духовных журналах, причем весьма часто ему давался эпитет “христианствующий”. В это время были переведены приписываемые Сенеке “Нравственные лекарства”, некоторые диалоги Сенеки (между прочим, “О Провидении”, “О блаженной жизни”) и письма к Луцилию. Некоторые (избранные) письма к Луцилию были переведены на русский язык сравнительно недавно, в 1884–1887 годах, и напечатаны в харьковском духовном журнале “Вера и Разум”.[6] Около того же времени было напечатано исследование о переписке апостола Павла и Сенеки (в “Православном Обозрении” за 1883 год). Переведена также на русский язык г-ном Алексеевым “Сатира на смерть императора Клавдия” (“Апоколокинтозис”).

ИСТОЧНИКИ

1. “L. Annaei Senecae opera quae supersunt”. Rec. *Fr. Haase,* vol. I–III. Lipsiae. 1886–1887.

2. “Taciti Annales”, lib. XII–XV.

3. “Suetonius” (in Claudio et in Nerone).

4. “Dio Cassius” lib. LX–LXI.

5. “Essai sur la vie de Sйnique le philosophe, sur ses йcrits et sur les rиgnes de Claude et de Nйron” par M. *Diderot.* Paris. 1779.

6. “Geschichte des rцmischen Kaiserreichs unter der Regierung des Nero” von *Hermann Schiller.* Berlin. 1872.

7. “Geschichte Roms” von *Carl Peter.* Band III. Halle. 1867.

8. “De L. Annaei Senecae vita et de tempore, quo scripta eius philosophica, quae supersunt, composita, sint”, scripsit *Alphedus Martens.* Altona. 1871. (В этой книге определено время появления в свет сочинений Сенеки).

9. “Seneca's Character und politische Thdtigkeit aus seinen Schriften” beleuchtet von *I.A. Heikel.* Helsingfors. 1876. (Апология Сенеки на основании его сочинений).

10. “Etudes sur la vie de Sйnique” par P. *Hochart.* Paris. 1885. (В этой книге автор, не совсем, впрочем, удачно, старается доказать, что Сенека не причастен к убиению Агриппины).

11. “Etudes de moeurs et de critique sur les poиtes latins de la dйcadence” par M. *D. Nisard.* T. I. Paris. 1834. (Автор высказывает соображения о принадлежности Сенеке-философу известных под его именем трагедий).

12. “Философ Сенека и его письма к Луцилию”. Речь *В. Модестова* (“Киевские университетские известия”, декабрь 1871).

ПОРТРЕТЫ СЕНЕКИ

Снимок с бюста помещен в книге Готара (“Etudes sur la vie de Sйnique”) на стр. 83.

“Planches de riconographie Romaine” par le Chevalier E. Q. Visconti. Paris. 1817. Planche 14 f. l и 2 (особенно хорош снимок № 1 en face, – это лучший портрет Сенеки). Planche 16 (Hermиs portant le nom de Sйnique – легкий контур).

В книге Duruy “Histoire des Romaines” t. IV, бюсты Сенеки на стр. 457 и 472 (оба малы, второй лучше); на стр. 532 статуя Сенеки и на стр. 524 его саркофаг.

notes

Примечания

дом Сенеки *(исп.)*.

зд.: хутор Сенеки *(исп.)*.

новый человек *(лат.)*.

4

Так, чтобы привлечь на свою сторону вольноотпущенника Палласа, она сделалась его любовницей

5

Замечательно, что автор “Апоколокинтозиса” не знает об отравлении Клавдия грибами, и император в сатире умирает от лихорадки.

6

В 1893 г. “Избранные письма Сенеки к Луцилию” (всего 50 писем) изданы в русском переводе в “Дешевой библиотеке” А.С. Суворина.